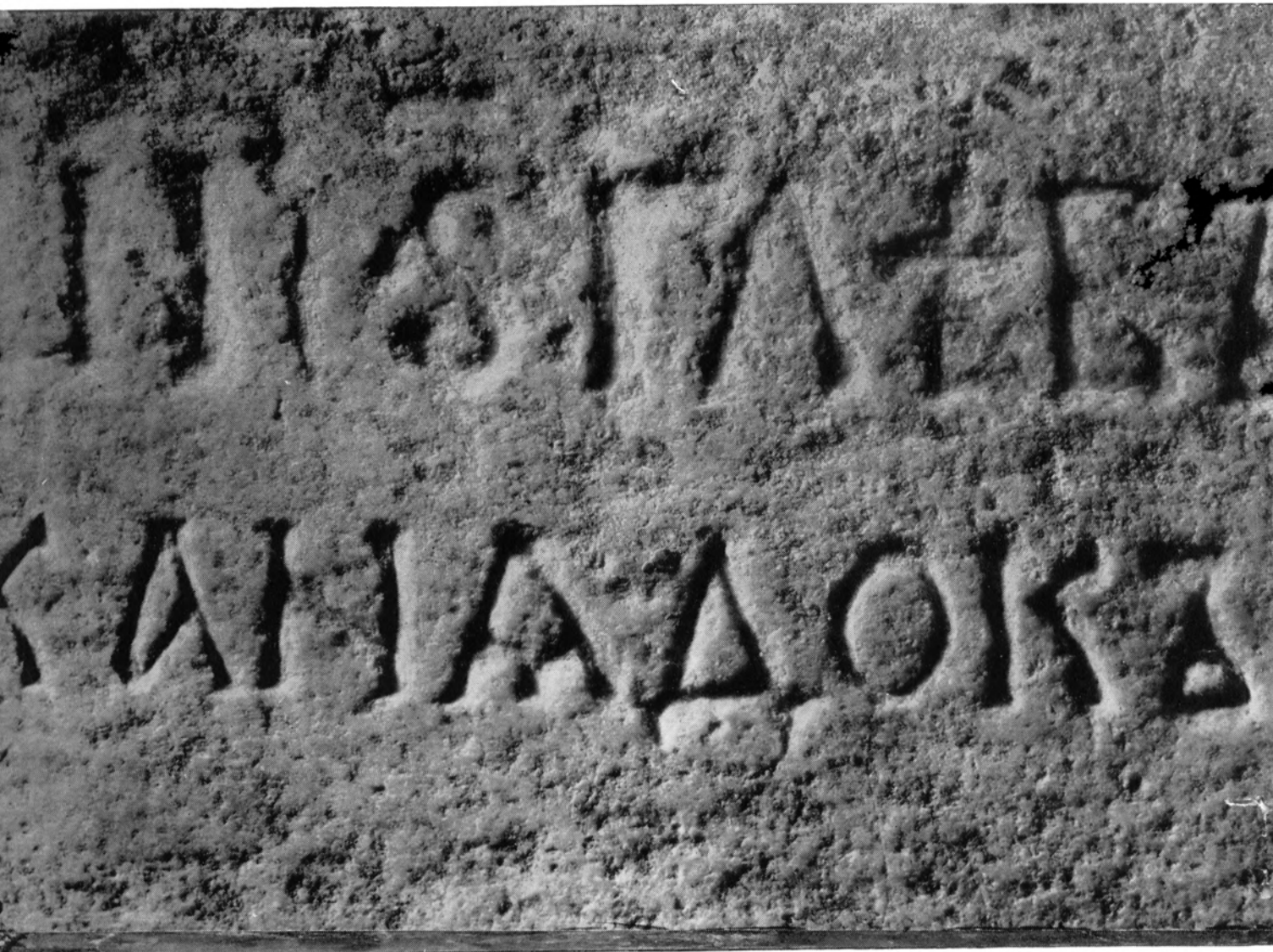

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.А.МЕДЫНЦЕВА

ТМУТАРАКАНСКИЙ КАМЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

МОСКВА

1979

Эта книга знакомит читателя с историей открытия и изучения одного из самых известных памятников русской эпиграфики — так называемого Тмутараканского камня. Надпись на камне, найденном в Тамани в конце XVIII в., до сих пор является объектом неутихающих споров: подлинный ли это памятник XI в. или фальсификация?

Автор подводит итоги почти двухсотлетней дискуссии о камне, сравнивает надпись с другими эпиграфическими памятниками, открытыми в последние десятилетия, и предлагает свою трактовку этого памятника.

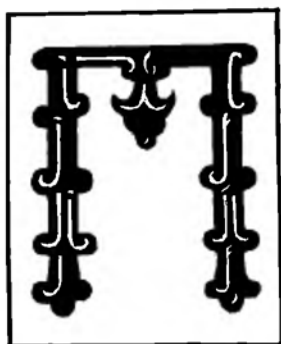
*Ответственный редактор
академик*

Б. А. РЫБАКОВ

М $\frac{10602-110}{042(02)-79}$ БЗ —19—14—79—0507000000

© Издательство «Наука», 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

очти двести лет назад, в конце XIX в. в Тамани был найден «Тмутараканский камень» — мраморная плита с древнерусской надписью об измерении расстояния между двумя городами — Тмутараканью и Корчевым, произведенным, как сообщается в надписи, «князем Глебом». В тексте надписи указан год — 1068 в переводе на современное летоисчисление. Надпись полностью прочитана и ясна по содержанию. Тем не менее эта первая в русской истории эпиграфическая находка, положившая начало собственно палеографическим исследованиям, до сих пор остается объектом споров ученых разных специальностей: археологов, лингвистов, историков. Почти сразу после первой публикации, осуществленной известным собирателем древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным, в Санкт-Петербурге распространились слухи о подложности надписи. Эти слухи несколько позднее были высказаны

печатно П. П. Свиным — издателем «Отечественных записок», — который предположил, что фальсификация камня преследовала и политические цели — доказать права России на причерноморские земли.

С тех пор эта версия о подложности камня с надписью, дополняемая иногда соображениями исторического, палеографического или лингвистического характера, а иногда вообще без всякой дополнительной аргументации, время от времени возникает в исторической литературе. Не обошли своим вниманием надпись на Тмутараканском камне и зарубежные исследователи, среди которых есть и его «защитники», и «скептики».

В наше время сомнения в подлинности надписи вновь оживились после публикации А. Мазоном и М. Лараном архивных материалов М. И. Успенского «*Quelques données historiques sur le Slove d'Igor et Tmutorokan*» par M. I. Uspenskij (1866—1942) (Paris, 1965) и книги А. Л. Монгайта «Надпись на камне».

В начале нашего века Н. И. Веселовский в полемике о подлинности надписи отметил интересную закономерность: большинство сомневающихся в подлинности камня специально палеографией не занимались, хотя среди них были и серьезные исследователи. Но упрек, высказанный Н. И. Веселовским в адрес «критиков» подлинности камня, неожиданно обращается упреком в адрес «специалистов»: в то время как первые спешили печатно высказать свои сомнения, вторые, как правило, ограничивались устными выступлениями, о которых знали и помнили немногие современники. Вероятно, это отчасти объясняется тем, что многие положения «любителей» казались специалистам не заслуживающими специального внимания. Уже через несколько десятков лет находились новые «скептики», которые вытаскивали на свет старые сомнения в подлинности надписи на Тмутараканском камне.

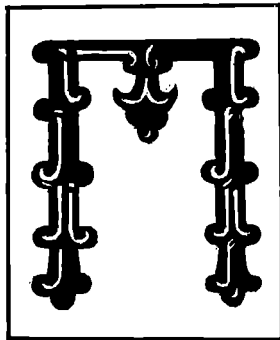
Есть ли действительные основания сомневаться в подлинности надписи? В чем причина этих упорно возникающих сомнений? В обстоятельствах находки камня или в содержании самой надписи? Внушают ли сомнения внешний вид и сохранность камня или причина их кроется в палеографических или филологических особенностях надписи?

Ответ на эти вопросы может дать только объективное исследование самого камня и надписи, который, к счастью, хранится до сего дня в одном из отделов Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

ИСТОРИОГРАФИЯ

«Вот уже второе столетие Тмутараканский камень не дает покоя нашим ученым и любителям старины. Его подлинность все еще подвергается сомнению. И странное дело: все специалисты по русской палеографии признавали надпись совершенно правильной для XI в. и подделку ее в настоящем виде совершенно невозможной для фальсификаторов конца XVIII в., — а палеографам в данном случае и принадлежит решающее слово; все же «любители» стояли за подделку.»

Н. И. Веселовский¹

ервые сведения о находке в Тамани камня с надписью, довольно неясные и противоречивые, способствовали возникновению сомнений в подлинности камня как у современников, так и у исследователей многих последующих поколений.

Но уже в начале XX в. основные материалы о находке камня были изданы в специальных работах Л. Я. Апостолова и Г. Н. Прозрителева².

К настоящему времени открыты и исследованы многие письменные источники, в том числе и архивные, связанные с открытием этого знаменитого памятника. Среди них имеются и личные архивы и переписка государственных учреждений³.

Хотя до сих пор некоторые вопросы остаются неясными, в том числе и точная дата находки камня, краткая история открытия представляется следующей.

На основании писем современников становится известным, что камень был найден между 25 августа 1792 г., когда в Тамань прибыл передовой отряд черноморских казаков⁴, и 8 сентября этого же года, так как последним числом помечено письмо П. В. Пустошкина Н. С. Мордвинову о намерении послать ему «большую мраморную доску с надписью»⁵.

До сих пор нельзя точно сказать, чьей заслугой является открытие надписи: источники называют двух лиц — майора Х. К. Розенберга и бригадира П. В. Пустошкина. Известно также, что мраморная плита с надписью обнаружена казаками при разборке на камень старой турецкой крепости возле станицы Таманская. Эта плита была перевезена в казарму и положена у дверей вместо порога. Есть основания предполагать, что именно Розенберг заметил и оценил важность надписи, а затем уже Пустошкин решил перевезти камень в Севастополь.

Сотрудник Государственного архива военно-морского флота В. Гудкин-Васильев выяснил, что в конце августа 1792 г. камень с надписью был погружен на судно с целью доставить его вице-адмиралу Н. С. Мордвинову. Не застав Мордвинова в Таганроге, «Панагия Апотуменгана», на которой находился камень, отплыла в Севастополь. На Севастопольском рейде корабль бурей был сорван с якорей и угнан в Константино-

¹ Веселовский Н. И.

К истории открытия Тмутараканского камня. — Вестник археологии и истории, издаваемый Петроградским Археологическим институтом (Пг.), 1917, вып. XXII, о. 137. Отдельный оттиск.

² Апостолов Л.

Камень с надписью деяний князя Глеба. — Труды XV АС в Новгороде (М.), 1914, т. I, раздел I, с. 406—410; Прозрителев Г. Н. К истории Тмутараканского камня. — Там же, с. 400—405.

³ См., например: Захаров В. А.

К вопросу о подлинности Тмутараканского камня. — История СССР, 1965, № 5, с. 211—213; Сапунов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия.

поль. Только весной 1793 г. судно вернулось в Севастополь, а уже оттуда камень был доставлен в Николаев Н. С. Мордвинову⁶.

У Мордвинова его увидел войсковой дьяк премьер-майор Г. Егоров, который по приезде в Петербург и рассказал о камне с надписью графу Мусину-Пушкину⁷. С этого момента история Тмутараканского камня тесно связана с именем известного любителя и собирателя старины Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, проявившего вполне понятный интерес к находке. «По представлению Мусина-Пушкина, отправлено было высочайшее повеление возвратить камень на то место, где он был найден, а в Петербург доставить точный рисунок»⁸; академику П. С. Палласу, путешествующему в то время по России, было поручено обследовать камень на месте. Начинается оживленная переписка между местными властями по поводу перевозки камня и установки над ним ограждения. С этой перепиской можно ознакомиться по сохранившемуся «Делу о Тмутараканском камне»⁹. Камень с надписью сначала был положен на морском берегу в районе старой крепости, где и осматривал его П. С. Паллас в домике, «устроенном при колодце».

29 марта 1795 г. полковник Антон Головатый предложил перенести камень в сад при Таманской церкви и устроить над ним более обширное помещение на четырех столбах¹⁰. Были отданы губернатором соответствующие распоряжения, но по каким-то причинам это предприятие не было доведено до конца, так как уже в 1803 г. писатель и академик Н. А. Львов нашел камень в церковной ограде находящейся в двух верстах от Тамани крепости «Фанагория», названной так по имени древнегреческого города, «заваленным другими мраморными обломками»¹¹. В 1832 г. Дюбуа обнаружил этот камень у стены церкви под особым навесом вместе с камнями античной эпохи. В этом же году Тмутараканский камень вместе с античными камнями был перевезен в Керченский музей, так как церковь начало заносить песком, и, наконец, в 1851 г. — в Петербург¹², в Эрмитаж, где и хранится до настоящего времени.

За время своих многочисленных перевозок с камнем произошли значительные изменения. Судя по рисункам и описаниям Л. Вакселя и П. С. Палласа (рис. 1), Тмутараканский камень первоначально представлял собой плиту длиной 3 аршина, 3 вершка, шириной несколько менее аршина, толщиной 5 1/2 вершка. На обоих рисунках хорошо видна глубокая трещина, проходившая поперек плиты. Надпись занимала лишь правую от трещины половину боковой грани плиты. По верхнему краю лицевой стороны проходил фальц, на верхней грани справа на расстоянии 14 и 13 см от краев — «небольшое, но глубокое гнездо четырехугольной формы», такие же отверстия зафиксированы рисунками в левой части плиты¹³. Не вызывает сомнения, что мраморная плита, на которой высечена надпись, античного происхождения. «Мрамор плиты желтоватый. по мнению специалистов, он происходит либо из Греции, либо с берегов Эгейского моря. Ни в русской архитектуре, ни в скульптуре XVIII в. мрамор такого типа не применялся»¹⁴. Остается неясным первоначальное назначение этого античного камня. Широко распространено мнение, что первоначально это была крышка античного саркофага или подножие для какой-то античной статуи¹⁵. Такому предположению противоречит то обстоятельство, что верхняя грань его очень неровная (это видно на всех рисунках), а нижняя — гладкая, отполированная. Очевидно, в настоящее время невозможно определить первоначальный вид и положение камня в то время, когда на нем высеклась надпись, так как во время перевозок было сколото все лишнее и сейчас Тмутараканский камень представляет собой прямоугольный брус шириной всего около 45 см, надпись занимает всю переднюю боковую грань бруса¹⁶.

Письменность. Культура. Археология. Ежегодник 1975 г. М., 1976, с. 457—471

Спицын А. А. Тмутараканский камень. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества (Пг.), 1915, т. XI, с. 1. Отдельный оттиск.

Захаров В. А. К вопросу о подлинности Тмутараканского камня, с. 212.

Сведения опубликованы в работе Сапунов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г. с. 457.

Сапунов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г., с. 457, 468.

Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 2.

Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XIV вв. М.—Л., 1952, с. 167—181, Приложение.

Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 3.

Там же.

Там же, с. 4, 13.

Там же, с. 13, 14.

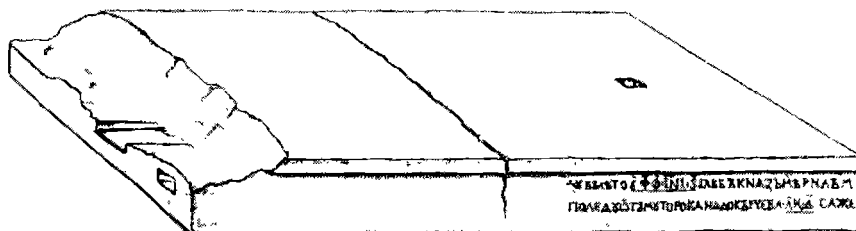
Сапунов Б. В. Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня. — Труды ГЭ (Л.), 1970, XI, вып. 2, с. 117.

Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 14; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. — САИ, 1964, Е1-44, с. 16.

Точные размеры камня в сохранившем виде приведены в статье Б. В. Сапунова «О Тмутараканском камне 1068 г.». Размеры мраморного блока: 111 × 45 × 24 см.

1.

Тмутараканский камень.
Первоначальный вид.
Рисунок Вакселя (1),
рисунок Палласа (2)

* * *

Длина верхней строки надписи 87 см, нижней — 90 см. Высота букв первой строки 30 см, второй — 25 см (Сапунов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г., с. 462).

¹⁷

Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794, с. 55—63.

¹⁸

Там же, с. 58.

¹⁹

Щепкин В. Н. Русская палеография. М. 1967, с. 119.

²⁰

Черепнин Л. В. Русская палеография. М. 1956, с. 244, табл.

²¹

См., например: Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969, с. 19—33.

Первая публикация и исследование камня были осуществлены А. И. Мусиным-Пушкиным в отдельном издании, вышедшем в Петербурге в 1794 г.¹⁷, через 2 года после того, как был обнаружен камень. К изданию был приложен крайне неточный рисунок, полученный Мусиным-Пушкиным от П. В. Пустошкина. Но содержание надписи мало интересовало издателя, для него важнее всего было упоминание Тмутаракани, определявшее местоположение Тмутараканского княжества. Надпись не была им даже верно прочитана: число саженьей Мусин-Пушкин читал как $\bar{\text{И}} \bar{\text{Н}} \bar{\text{Д}}$ (8054). Первую букву он принял за остаток буквы «И», «ибо $\bar{\text{Л}}$, значит 30, $\bar{\text{Н}}$ — 50, но тридцать и 50 рядом в счислении стоять не могут; для того нужно от левой руки к первой букве прибавить черту, которая, вероятно, изгладилась, от чего выйдет вместо $\bar{\text{Л}}$ — И, а $\bar{\text{И}} \bar{\text{Н}} \bar{\text{Д}}$ значит 8054»¹⁸. Мусин-Пушкин не учитывал знаков тысяч, не смущали его и начертания И (и) и Н (эн), аналогичные современным ему «гражданским», которых не могло быть в XI в. («И» появляется в русском полууставе с конца XIV в.¹⁹, а «Н» еще позднее — не ранее XV в.²⁰). Прочитанное им таким способом количество саженьей его устраивало, так как по известным ему сведениям византийских авторов ширина Керченского пролива определялась в 10 стадий, что по подсчетам А. И. Мусина-Пушкина должно было составить 7619 сажень (по 108,6 сажени в стадии) — число, близкое к прочитанному в надписи. Приведенный пример показывает уровень палеографических знаний Мусина-Пушкина. Но эта ошибка в чтении оказалась счастливой для него, так как полностью снимает, по крайней мере с Мусина-Пушкина, обвинения в подлоге²¹; трудно представить, что сам автор фальшивки не смог ни прочесть, ни подсчитать правильно количество саженьей между Керчью и Тмутараканью.

Об этом обстоятельстве уже давно писали «защитники» подлинности камня, но старательно забывают авторы, во что бы то ни стало приписывающие подлог Мусину-Пушкину.

Появились и первые скептики, сомневающиеся в подлинности надписи, именно поэтому последовало высочайшее повеление П. С. Палласу обследовать надпись на месте²². В 1801 г. выходит труд П. С. Палласа, где был дан новый рисунок камня, также неточный, и новое чтение надписи, содержащее значительные ошибки²³. Были неправильно переведены на современное летоисчисление дата 6576/1065 г. вместо 1068 г. и число саженей, где П. С. Паллас первую букву читал как «Л», (30000 — без знака тысяч), а общее количество саженей, как $\bar{L} \bar{N} \bar{A} = 30054$.

Только в 1806 г., спустя 14 лет после находки камня, появляется исследование А. Н. Оленина, являющееся первой серьезной работой по русской палеографии, в которой, наконец, были исправлены ошибки предыдущих публикаторов²⁴. А. Н. Оленин издал более точный рисунок надписи, так как получил бумажный эстампаж надписи, снятый на месте художником Ушаковым, уточнил прочтение даты «. . . ибо по исчислению индиктов должно быть 1068, а не 1065»²⁵. При содействии А. И. Ермолаева было, наконец, правильно прочитано число саженей: «Ермолаев заметил, что численная литера, стоящая вначале при означении в надписи расстояния саженями. видом своим совсем не похожа на прочие в той надписи литеры, которых имеется четыре. Над ней имеется титло, правая нога толще левой, а левая на кос сверху проведена. Сие положение отличает ее от литер Л в надписи имеющих»²⁶. Сходство этой буквы с первой буквой в слове «ИИДИ» окончательно убедило А. Н. Оленина и А. И. Ермолаева в том, что спорная буква представляет собой і (десятиричное)²⁷, таким образом количество саженей определялось в 14 000. Чтение надписи, данное А. Н. Олениным:

† · · · КЪ ЛѢТО . / S. $\bar{\Phi} \bar{\Omega} \bar{\Sigma}$ (6576/1068) ИИДИКТИ] $\bar{\Sigma}$ (6) ГЛѢБЪ КИАЗЬ
МЪРИЛЪ МЪР[Е] / ПО ЛЕДЪ $\bar{\Phi}$ ТЪ МЪТОРОКИИ ДО КЪРУЄВИ . / $\bar{I} \bar{I}$. / $\bar{A}$.
(10 000 и 4 000) СЛЖЕ[НЪ]

с тех пор является общепринятым и ни у кого не вызывает сомнения. На основе сравнения надписи с начертаниями букв древнейших рукописей А. Н. Оленин приходит к выводу, что они (буквы) «во всех частях сходны с буквами древнейших наших рукописей»²⁸. Это обстоятельство так же, как и внешний вид надписи, отсутствие причин, по которым могли бы подделать надпись, по его мнению, свидетельствуют о подлинности надписи. «Отличное для своего времени исследование Оленина надолго упрочило добрую «репутацию камня»²⁹. Но некоторые скептики все же оставались. «Десять лет спустя внезапно выступает смелая оппозиция в лице Свиньина, не вполне основательная, но уверенная и производящая характером возражений значительное психологическое впечатление, ловкая и изворотливая»³⁰. П. П. Свиньин не привел никаких серьезных доказательств поддельности надписи³¹ и, очевидно, не стоило бы принимать его мнение во внимание, если бы в то же время не выступил историк Н. Арцыбашев (работа была издана только в 1828 г.) со специальным исследованием, посвященным местонахождению Тмутаракани. Он предполагает, что Тмутаракань находилась не на Таманском полуострове, а между устьем Днепра и Перекопом»³². Выступление Арцыбашева подорвало доверие к Тмутараканскому камню. В 1830 г. в защиту подлинности камня выступает П. И. Кешпен, палеограф и знаток рукописей. В качестве главного доказательства подлинности

²²

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 6, 7.

²³

Pallas P. S.
Bemerkungen auf einer Reise
in die südliche Statthaltershaf-
ten des russischen Reichs in
den Jahren 1793 und 1794,
Bd II. Leipzig, 1801, S. 293—
297.

²⁴

Оленин А.
Письмо к графу Ал. Ив.
Мусину-Пушкину. О камне
Тмутараканском, найденном
на острове Тамани в 1792-м
году. Во граде С.-Петра,
1809.

²⁵

Там же, с. 11.

²⁶

Там же, с. 4, 5.

²⁷

Там же, с. 5.

²⁸

Там же, с. 3.

²⁹

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 8.

Там же.

³¹

Свиньин П.
Обозрение путешествия изда-
теля Отечественных запи-
сок по России, в 1825 году,
относительно археологии. —
Отечественные записки
(СПб.), 1826, ч. XXV,
с. 446—452.

³²

Арцыбашев Н.
О Тмутаракани. — Труды
Общества истории и древ-
ностей российских (М.),
1828, ч. IV, кн. I, с. 80—101.

надписи он справедливо приводит следующее: «Могли ли, спрашиваю, в 1792 г. иссечь надпись, столь соответственную по начертаниям букв, правилам нашей Палеографии, тогда как и слово Палеография едва ли когда-либо произносилась у нас вне стен Академических»³³. Но доверие к камню все же было основательно подорвано. В 1844 г. против подлинности камня выступает Г. И. Спасский. Особенно серьезным в его критике было то, что свои сомнения он подкрепил анализом самой надписи, подробно останавливаясь на ее филологических особенностях³⁴. Из современников никто не мог достаточно убедительно ответить на основательные подозрения Г. И. Спасского. Только в 1861 г. уже после смерти автора была опубликована работа академика П. Г. Буткова, в которой он дает детальный ответ на все сомнения Г. И. Спасского³⁵. «Бутков не пожалел труда и обширными ссылками навсегда обезвредил камень от возведенных на него Спасским подозрений. . . Со времени появления статьи Буткова в продолжении 40 лет сомнений в камне не возбуждалось никем, и вместе с тем совершенно прекратились исследования его. Камень был основательно забыт»³⁶.

Действительно, в большой обобщающей работе по славяно-русской палеографии И. И. Срезневского³⁷ Тмутараканскому камню посвящено лишь несколько страниц. Очевидно, в то время не было смысла доказывать подлинность надписи, и И. И. Срезневский коротко остановился на истории находки камня и содержании надписи, на некоторых ее филологических особенностях, отметив, что «большая часть букв, употребленных в записи, по рисунку походят на буквы Остромирова евангелия. . .»³⁸

Вопрос о подлинности камня возникает снова уже в начале нашего века. А. А. Спицын «. . . рассуждая о судьбах Тмутаракани. . . по стратегическим и археологическим основаниям усумнился в том, что она располагалась на Тамани, и усмотрел для нее более удобное место — при устье Дона, где арабами указывается город Россия»³⁹. Это заставило А. А. Спицына вернуться к надписи на Тмутараканском камне, содержание которой показалось ему странным, а «палеографическая сторона надписи не казалась бесспорной»⁴⁰. На заседании Русского Археологического общества в 1901 г.⁴¹ с критикой положений А. А. Спицына выступил известный палеограф, лингвист и историк письменности, большой знаток рукописей, автор фундаментального труда по русской палеографии А. И. Соболевский. Как откровенно пишет А. А. Спицын: «Я не нашел защитников и остался в одиночестве. Позднее я убедился, что долю скептицизма кое в ком мне удалось поселить, но вообще мое выступление кончилось полною неудачей. Однако возражения А. И. Соболевского меня лично не успокаивали в моем главном интересе — вопросе о месте Тмутаракани, которую я никак не мог вывести с Дона обратно на Тамань. Так обстояло для меня это дело до последнего времени, когда явилась надобность определить точнее отношение к вопросу и вместе использовать собранный для него пестрый материал»⁴².

Результатом этих занятий А. А. Спицына и явилось уже упоминавшееся исследование, посвященное Тмутараканскому камню. Добросовестнейший и тщательный ученый, археолог по профессии, А. А. Спицын проводит детальное источниковедческое исследование камня и надписи в натуре, приводит подробнейшую историю открытия и изучения надписи, добросовестно отмечает не только все сомнения по поводу надписи, но и все известные ему доказательства ее подлинности. А. А. Спицын, не являясь специалистом-палеографом, попытался заняться и палеографическими особенностями надписи. «Занявшись при первоначальном изучении надписи ее палеографией, возможно прилежно, я пришел к выводу, что она по начертаниям букв стоит ближе всего к рукописям XIII в.»⁴³

33

Кетпен П. И.
Нечто о Тмутараканском
камне. — Труды и записки
Общества истории и древ-
ностей Российских, учр. при
Московском университете
(М.), 1830, ч. V, с. 300, 301.

34

Спасский Г.
Исследование Тмутаракан-
ского камня с русской
надписью. — Отечественные
записки, 1844, т. XXXVI,
раздел II, с. 63—75.

35

Морошкин М. Я.
Исследование академика Бут-
кова о Тмутаракани и Тму-
тараканском камне. — Изве-
стия Археологического об-
щества (СПб.), 1861, т. II,
вып. 5—6, стб. 273—295.

36

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 11.

37

Срезневский И. И.
Славяно-русская палеография
XI—XIV вв. Лекции, читан-
ные в С.-Петербургском уни-
верситете в 1865—1880 гг.
СПб., 1885, с. 131—133.

38

Там же, с. 133.

39

Спицын П. А.
Тмутараканский камень,
с. 11.

40

Там же, с. 11, 12.

41

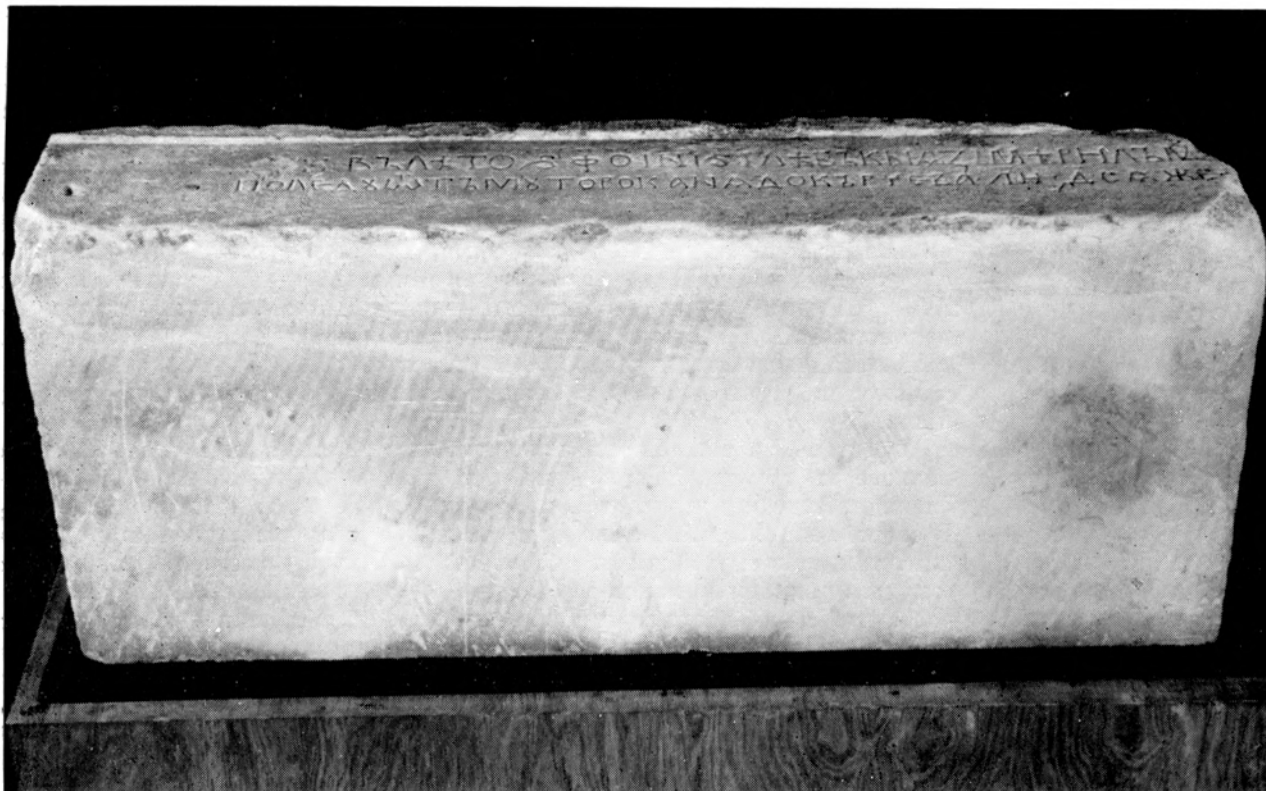
Записки Русского Отделения
русской и славянской архео-
логии и Археологического
общества (СПб.), 1904,
т. V, вып. 2, с. 101 (крат-
кое упоминание о докладе
А. А. Спицына).

42

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 12.

43

Там же, с. 24.

2.

Тмутараканский камень.

Фото.

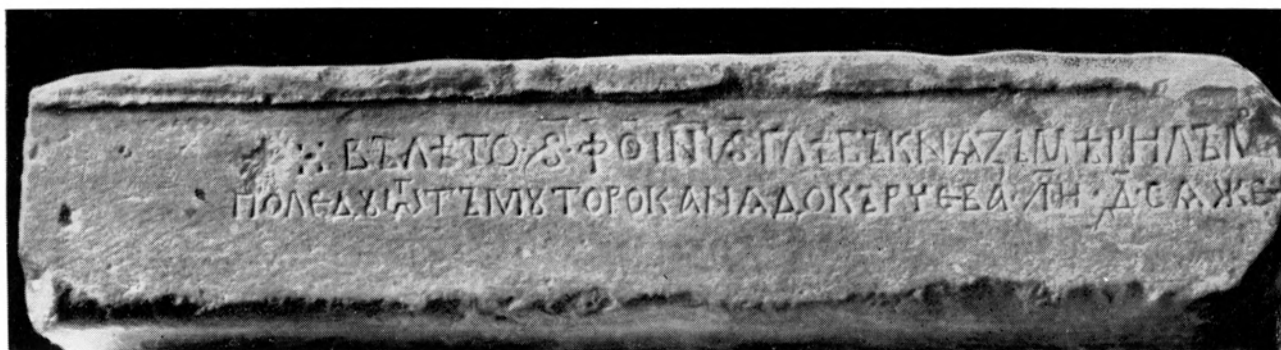
Современный вид

3.

Тмутараканский камень.

Боковая грань с надписью.

Фото

Следует отметить, что суммирование высказанных ранее соображений за и против подлинности надписи привело А. А. Спицына к следующему выводу: «Подлинность надписи вполне допустима, но допустима и фальсификация ее. В пользу последней говорила особенно бесцельность надписи и исключительная аккуратность ее, не имеющая аналогий в памятниках»⁴⁴. Убедила А. А. Спицына в подлинности надписи ее близость к современным ей греческим, особенно знак сокращения индикта, встречающийся в некоторых эпиграфических памятниках Причерноморья. «В пользу мнения о подлинности камня с этого времени, в моих глазах остаются лишь ничтожные вероятности», — вынужден признать А. А. Спицын⁴⁵. Эти вероятности — аккуратность надписи и ее бесцельность. Так логика добросовестного научного анализа заставила А. А. Спицына, не соглашаясь с местонахождением Тмутаракани на Таманском полуострове, почти безоговорочно признать подлинность надписи.

Известный знаток вещевой палеографии И. А. Шляпкин сначала, после первого выступления А. А. Спицына, сомневался в подлинности камня; очевидно, он был одним из тех, в ком «удалось поселить долю скептицизма». В своих лекциях И. А. Шляпкин отмечал, что он принадлежит к скептикам, так как ему кажется подозрительным, что камень первоначально «служил подножием какой-то статуи». Но при этом И. А. Шляпкин отмечает, что язык надписи правильный, никаких отклонений от древних форм не имеет. Сама надпись не очень интересовала И. А. Шляпкина. Он считал, что палеографического значения она не имеет, так как, по его мнению, буквы были подправлены каменотесом «чтобы они были красивее и попрямее»⁴⁶.

Когда вновь зашла речь о Тмутараканском камне на XV Новгородском археологическом съезде в связи с найденной в архивах Ставропольской комиссии перепиской («Подлинное дело о Тмутараканском камне»), где ряд ученых снова высказались в его защиту, И. А. Шляпкин уже высказывался за подлинность камня, хотя и продолжал считать, что камень «почистили». «Проф. И. А. Шляпкин отметил, что камень в Петербурге был приведен в надлежащий вид — почищен и соскоблен, — вследствие чего сильно колеблется палеографическое значение этого памятника, хотя подлинность его не подлежит никакому сомнению»⁴⁷.

Появление в 1915 г. вышеупомянутой работы А. А. Спицына, где он почти безоговорочно соглашается с подлинностью надписи, надолго прекратили подозрения в подделке. Снова о подложности камня возник вопрос уже в 1940 г. в связи с публикацией французским историком Андре Мазоном книги, в которой он пытается доказать подложность «Слова о полку Игореве»⁴⁸. В этой книге А. Мазон Тмутараканский камень тоже объявляет подделкой, преследовавшей политические цели и призванной подтвердить права России на земли по берегам Азовского и Черного морей, и одновременно доказать подлинность «Слова о полку Игореве», где упоминается и Тмутаракань. По предположению А. Мазона, эту подделку задумали в кружке историков-любителей, группировавшихся вокруг Мусина-Пушкина, а осуществил ее — доставил на Тамань полковник А. Головатый⁴⁹. Как видно, А. Мазон просто повторяет некоторые соображения своих предшественников, не приводя никаких доказательств своим предположениям. В его предпосылках имеются и фактические неточности. Из сохранившихся документов ясно, что А. А. Головатый не мог быть исполнителем замысла петербургских фальсификаторов: из Петербурга он сразу отправился за Буг вербовать казаков-поселенцев для новых земель и находился там осень 1792 г. и зиму 1793 г. Только 15 июля 1793 г. Головатый выступил с казаками на Фанагорию⁵⁰,

⁴⁴
Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 28.

⁴⁵
Там же, с. 28, 29.

⁴⁶
Шляпкин И. А.
Палеография (Дополнение).
Лекции, читанные в 1905/6
учебном году, стенографиче-
ски записанные. СПб.
1905—1906, с. 5, 6.

⁴⁷
Труды XV АС в Новгороде.
1911 (М.), 1914, т. I,
с. 118. Протоколы заседа-
ния 27 июля.

⁴⁸
Мазон А.
Le slovo d'Igor. Paris, 1940.

⁴⁹
Ibid., p. 76, 77, 162, 217.

⁵⁰
Захаров В. А.
К вопросу о подлинности
Тмутараканского камня,
с. 212.

а время находки камня определяется между 25 августа и 8 сентября 1792 г.

Никаких новых фактов, подтверждающих бы подделку надписи, не содержится и в черновых заметках умершего в 1942 г. ленинградского историка М. И. Успенского, опубликованных А. Мазоном и М. Лараном⁵¹. В этих заметках, относящихся к 1925 г., и в незаконченной биографии Мусина-Пушкина М. И. Успенский высказывает сомнения в местонахождении Тмутараканского княжества на Таманском полуострове. В печати отмечалось, что покойный автор не несет ответственности за публикацию черновых записей и что истинные цели такой публикации — вызвать сомнения в подлинности «Слова»⁵². В 1964 г. советский историк А. А. Зимин выступает с докладом о «Слове», где приписывает создание этого памятника древнерусской литературы фальсификаторам XVIII в.⁵³

Эти работы, посвященные «Слову о полку Игореве», ничего нового не внесли в проблему изучения Тмутараканского камня, но способствовали возрождению старых сомнений. В 1968 г. А. Л. Монгайт публикует в журнале «Наука и жизнь» статью, где высказывает сомнения в подлинности надписи, но уже в несколько смягченной форме. Эта же статья в 1969 г. выходит отдельной книгой⁵⁴. В многочисленных рецензиях на статью и книгу отмечалось, что А. Л. Монгайт не привел никаких новых данных, которые свидетельствовали бы о подделке камня, и незаслуженно обвинил таких исследователей, как А. А. Спицын и А. И. Соболевский, в научной недобросовестности⁵⁵. К фактическим сомнениям А. Л. Монгайта и его предшественников мы будем вынуждены вернуться позднее.

Сейчас же следует суммировать причины, по которым в течение 180 лет не утихают споры вокруг тмутараканской надписи. Эти причины можно объединить в несколько групп:

- I — История находки камня, личность А. И. Мусина-Пушкина.
- II — Историческое содержание надписи, ее назначение (местонахождение Тмутаракани, упоминание князя Глеба, кажущаяся бесцельность содержания).
- III — Палеографические и филологические особенности надписи, ее внешний вид.

Лишь косвенно связана с проблемой Тмутараканского камня дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве», объединяет их лишь личность первоиздателя — А. И. Мусина-Пушкина.

51

Mazon A. et Laran M. *Quelques donnés historiques sur Slovo d'Igor et Tmutorakan' par M. I. Uspenski (1866—1942). Traduction Francaise et texte russe avec piéces compliméntaires et appendice par Andre Mazon et Michel Laran. Paris, 1965.*

52

Лихачев Д. В поисках единомышленников. — *Вопросы литературы*, 1966, № 5, с. 158—166; Дмитриев Л. «Новая» работа о «Слове о полку Игореве». — *Русская литература (Л.)*, 1966, № 2, с. 238—246.

53

Вопросы истории, 1964, № 9. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». См.: Зимин А. А. Приписка к Псковскому Апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве». — *Русская литература (Л.)*, 1966, № 2, с. 71—73.

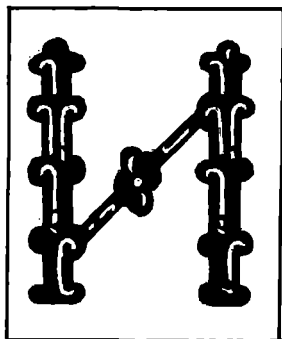
54

Монгайт А. Л. *Надпись на камне. — Наука и жизнь*, 1963, № 5, 7, 8; он же. *Надпись на камне. М.*, 1969.

55

Кузьмин А. Г. Существует ли проблема Тмутараканского камня? — *СА*, 1969, № 3; Захаров В. А. К вопросу о подлинности Тмутараканского камня; Сапунов Б. В. Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня. — *Труды ГЭ*, 1970, XI, вып. 2; Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров Н. Поддельные сомнения. — *Молодая гвардия*, 1970, № 1, с. 294—301.

ИССЛЕДОВАНИЕ КАМНЯ И НАДПИСИ

стория находки камня, известная по письмам и изданиям современников, по найденному в 1911 г. «Подлинному делу о Тмутараканском камне» и недавно опубликованным Б. В. Сапуновым новым материалам из архива Олениных¹, не содержит никаких данных, которые свидетельствовали бы о фальсификации. Нет оснований подозревать и Мусина-Пушкина в подлоге, и, очевидно, не стоит принимать во внимание сомнения, не подкрепленные фактическими доказательствами, ибо, как справедливо писал А. Л. Монгайт, «для современного ученого, пытающегося разобраться в истории Тмутаракан-

ского камня, было бы крайне неприятно оказаться в плену придворных сплетен конца XVIII в.»² Следует заметить, что и другие находки А. И. Мусина-Пушкина: серебряники Ярослава, «Поучение» Владимира Мономаха отвергались «скептиками» школы М. Т. Каченевского.

Не вызывает сейчас сомнений и историческое содержание надписи. Полностью исключается проблема местонахождения Тмутаракани, которая являлась исходным моментом сомнений для всех ученых XIX в. История княжества и города установлена по письменным источникам и подтверждена археологическими раскопками. «Не подлежит никакому сомнению, что русская Тмутаракань тождественна средневековой Таматархе и находится на восточном берегу Керченского пролива напротив Керчи-Корчева»³.

Не возбуждает подозрений указанная в надписи дата пребывания Глеба в Тмутаракани. По летописным данным известно, что Глеб, сын Святослава Черниговского, впервые появился в Тмутаракани в 1065 г., его сменил двоюродный брат, Ростислав, который и княжил в Тмутаракани до февраля 1067 г. (3 февраля 1067 г. Ростислава отравили). Летописные сведения о нем отсутствуют до 1069—1070 гг., когда Глеб Святославич оказывается в Новгороде. Из надписи следует, что в 1068 г. (6576 г.) князь Глеб снова княжил в Тмутаракани. «По всей вероятности, дата Тмутараканского камня поставлена не по мартовскому, а по сентябрьскому византийскому счету лет и должна соответствовать сентябрю 1067—августу 1068 г. Таким образом, время измерения князем Глебом ширины Керченского пролива передвигается на декабрь 1067—январь 1068 г.»⁴ Сведения надписи о пребывании Глеба в Тмутаракани в это время подтверждается данными Киево-Печерского патерика, по которым Никомонах Киево-Печерского монастыря и летописец «умолен быть» жителем Тмутаракани «прийти к Святославу князю и молить его, да пустить сына своего, да сядет на столе том»⁵. Следовательно, сам факт пребывания

¹ Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология. Ежегодник 1975 г. М., 1976, с. 457, 468.

² Монгайт А. Л.
Надпись на камне. М., 1969, с. 33.

³ Мавродин В. В.
По поводу одной из своей теории о местонахождении Тмутаракани. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 221—226; Рыбаков Б. А.
Русские датированные надписи XI—XIV вв. — САИ, 1964, Е1-44, с. 17.

⁴ Рыбаков Б. А.
Русские датированные надписи, с. 17.

⁵ Абрамович Д.
Киево-Печерский патерик. Киев, 1930, с. 45.

Глеба на Тмутараканском княжении в декабре—январе 1068 г. не вызывает удивления.

Как уже говорилось, А. А. Спицыну надпись казалась подозрительной из-за своей бесцельности. «Вообще, надпись поражает бесцельностью своего содержания. А. И. Соболевский мне возражал, что бесцельность есть дело условное. Если мы не видим цели, это не значит, что ее не было на самом деле. Нелегко читать мысли за 900 лет тому назад. Но ведь надпись изготовлена для потомков: к чему было записывать то, в смысл чего мы никак не можем проникнуть? Жизнь прошлого не так сложна; язык и понятия были просты и ясны»⁶. В наши дни содержание надписи отнюдь не кажется пустым и бесцельным. Даже ученые, сомневающиеся в подлинности надписи, признают ее целесообразной. «Сообщение о том, что князь мерил море» «по льду», пишет А. Л. Монгайт, свидетельствует в пользу подлинности надписи. Во времена князя Глеба море нелегко было измерить, это казалось даже невозможным. Но поддельщику XVIII в. трудно было додуматься до такой формулировки. Вероятней всего, это все же была регистрация подлинного факта. Надпись могла быть и простой дорожной отметкой расстояния, а ссылка на авторитет князя и дату измерения должна была лишь подтвердить ее подлинность. Так ли уже нелепо в XI в. указывать расстояние между двумя морскими портами, если его удалось измерить? Ведь гидрографические данные (правда, касающиеся рек и озер) содержатся в древнейших русских летописях»⁷. Действительно, практика измерения водных пространств зимой по льду существовала у разных народов. Абу-Хамид, испанский араб, оставивший описание своих путешествий по Восточной Европе, в своем «Путешествии» сообщает, как он измерил ширину Волги: зимой по льду прошел от одного берега до другого и насчитал 1840 шагов⁸. Если же учесть историческую обстановку в Причерноморье середины XI в., вызывавшую столь быструю смену князей на тмутараканском княжении, то можно думать, что надпись об измерении ширины пролива князем Глебом могла преследовать и политические цели: письменно утвердить его права на тмутараканский стол, на западную и восточную часть Тмутараканского княжества.

* * *

После выхода в свет популярной книги А. Л. Монгайта был вновь подвергнут тщательному анализу сам камень с надписью. Б. В. Сапунов, сотрудник Государственного Эрмитажа, обследовал камень при помощи бинокулярной лупы с увеличением в 3, 6, 12, 24 и 36 раз⁹. «В результате выяснились интересные подробности, на которые раньше не обращали внимания. Как и вся поверхность камня, боковая плоскость, на которой находилась надпись, хранит следы значительных разрушений. Исследования убедительно доказали, что имеющиеся разрушения внешнего слоя являются результатом естественных процессов старения мрамора под воздействием света, влаги, выветривания, температурных перепадов, причем процессы эрозии шли на разных участках по-разному. Никаких следов вмешательства резчика с целью искусственно имитировать этот процесс не обнаружено. Необходимо подчеркнуть, что во всех случаях буквы перекрываются разрушениями и степень их разрушения аналогична степени разрушения верхней и нижней половины плоскости.»¹⁰

Эти исследования надписи были продолжены и позже Б. В. Сапуновым, их результаты вместе с неизданными ранее материалами из архива Олениных опубликованы в недавно вышедшей работе «О Тмутараканском камне 1068 г.». «При 30—40-кратном увеличении заметно, что разрушения мрамора носят естественный характер. Отчетливо

4.
*Тмутараканский камень.
Надпись.
Фото в натуральную
величину
(см. стр. 16—18)*

•
Спицын А. А.
*Тмутараканский камень. —
Записки Отделения русской
и славянской археологии Рус-
ского Археологического об-
щества (Пг.), 1918, т. XI,
с. 17, 18. Отдельный оттиск.*

†
Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 96.

•
Добродомов И. Г.,
Кучкин В. А.
*Рецензия на публикацию:
Большаков О. Г., Монгайт
А. Л. Путешествие Абу-
Хамида ал-Гарнати в Вос-
точную и Центральную Ев-
ропу (1131—1153 гг.). —
Вопросы истории, 1972, № 10,
с. 144.*

•
Сапунов Б. В.
*Еще раз к вопросу о под-
линности Тмутараканского
камня. — Труды ГЭ, 1970,
XI, вып. 2, с. 119.*

10
Там же, с. 119, 120.

выступают грани кристаллов в местах повреждения поверхности камня или внутри букв. Никаких следов химических или механических воздействий на камень для придания патины времени обнаружить не удалось»¹¹.

В своей книге А. Л. Монгайт высказывал соображения, что следы патины и эрозии, которые увидел Б. В. Сапунов, могли образоваться за 176 лет, прошедших со времени открытия камня, из которых 60 лет камень находился на Тамани под открытым небом, под дождем и ветром¹².

Б. В. Сапунов, продолжая начатое исследование патины, привлек специалистов-геологов к изучению камня. С помощью профессора В. Б. Татарского было объяснено наличие в канавках букв (буква «Г» в слове «Глеб») белого известкового вещества. В. Б. Татарский высказал предположение, что это не остатки нерасчищенной извести, как казалось раньше, а вещество самого камня, растворенное воздействием воды и снова осевшее в углубленном месте¹³.

Может быть, был прав А. Л. Монгайт, и патина и иррозия образовалась уже после обнаружения надписи (или подделки) надписи? Б. В. Сапунов продолжил изучение вопроса о скорости старения мрамора. Так как никаких указаний геологи дать не могли, Б. В. Сапунов предпринял изучение аналогичных памятников (античных мраморных камней с надписями), мраморных скульптур Летнего сада и мраморных плит с надписями из Музея городской скульптуры. Это обследование показало, что античные камни, вторично использованные в эпоху средневековья, наиболее близки по степени сохранности Тмутараканскому камню. Мраморные скульптуры Летнего сада, поставленные в 1708 г., выглядят более сохранившимися. Надписи на тонких мраморных плитах, выполненные в конце XVIII в., находившихся на открытом воздухе, по степени иррозирован-

¹¹

Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1068 г., с. 464.

¹²

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, 54.

¹³

Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1068, с. 465.

ности близки к Тмутараканской, что может быть объяснено плохими климатическими условиями, высокой влажностью Ленинграда (Петербурга) ¹⁴.

Б. В. Сапунов сделал и новые наблюдения, до сих пор не отмеченные исследователями. По всем рисункам и письмам современников известно, что камень еще в 1793 г. имел трещину посередине. В Керченский музей плита уже попала в виде блока с надписью, так как половина камня была отколота (очевидно, по трещине). Следовательно, левый край современного объема камня образован где-то в 10—начале 30-х годов XIX в. Изучение этого края показало, что «левая плоскость состоит из двух разнородных участков. Довольно узкая полоса, примыкающая к стороне с надписью, носит следы глубокой иррозии. Это остатки древнего надкола, о котором говорят все источники. Сохранность этой полосы примерно такая же, как и надписи. Остальная — основная часть поверхности — обработана ударами тяжелого инструмента и выглядит совершенно новой. На ней нет никаких разрушений. Совершенно ясно: надпись по степени ее разрушенности гораздо старше» ¹⁵.

Подводя итог обследованию сохранности камня и надписи, можно сказать, что сохранность камня далеко не такая хорошая, как кажется на многих (ретушированных) фотографиях. Степень разрушенности надписи и камня одинакова, в то время как левая грань камня, образованная примерно в 30-х годах XIX в., за исключением древнего надкола отличается очень хорошей сохранностью. Следовательно, высказывания о том, что «и сегодня камень выглядит как новенький, совсем без следов разрушения временем» ¹⁶, не соответствуют действительности и только вводят в заблуждение исследователей, никогда не видевших камня.

К настоящему времени отвергнуто, даже скептиками, большинство подозрений, на основании которых многие ученые XIX в. считали Тмутараканский камень подделкой. Возможно, не следовало бы вообще возвращаться еще раз к вопросу о подлинности камня после многих рецензий на работу А. Л. Монгайта, где все его аргументы были подвергнуты критике.

Но, во-первых, эти рецензии написаны учеными разных специальностей (археологами, историками, лингвистами) и в них подробно освещаются, как правило, лишь отдельные положения из широкого круга вопросов, связанных с проблемой подлинности надписи. К тому же и опубликованы они в самых разных изданиях, в том числе и популярных. Поэтому даже специалисту, не занимающемуся именно проблемой Тмутараканского камня, не говоря уже о широком круге читателей, на который и рассчитана книга А. Л. Монгайта, трудно представить общий взгляд, который существует сейчас на проблему тмутараканской надписи.

Во-вторых, возникает вопрос, в чем же причина столь долгих сомнений в подлинности надписи, ответить на который можно лишь рассмотрев все сомнения и подозрения скептиков, высказанные за время, протекшее с момента открытия камня, даже те, которые кажутся сейчас нелепыми.

В-третьих, как ни странно, несмотря на почти двухсотлетнюю дискуссию о подлинности Тмутараканской надписи, наименее разработанной оказывается ее палеография. Сомнения в подлинности начинались обычно не с палеографического анализа самой надписи, а с соображений исторического характера, из которых наиболее важным моментом было местоположение Тмутаракани, либо с истории находки камня, исторической обстановки того времени и личности Мусина-Пушкина, либо с обсуждения внешнего вида камня и надписи. Не существует до сего времени единого взгляда на палеографические особенности надписи: одни исследователи сравнивают ее с греческими надписями Причерноморья, считая ее,

¹⁴

Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1868 г., с. 469, 470.

¹⁵

Там же, с. 470.

¹⁶

Монгайт А. Л.
Тмутараканский камень,
с. 54.

ВЪЛАѢТО С Ф О І Н Ъ С
ПОЛЕДУѢТЪ МЪ ТОРОК АН

0 3 см

5.

*Тмутараканский камень.
Прорись надписи в на-
туральную величину*

как и А. А. Спицын и В. Л. Латышев, «русской эллинизированной надписью»¹⁷, другие наиболее близкие аналогии, вслед за А. Н. Олениным и И. И. Срезневским, находят в начертаниях «Остромирова евангелия»¹⁸.

До сих пор не рассмотрено мнение А. А. Спицына о сходстве надписи с начертаниями букв в рукописях XIII в. Такое разнообразие точек зрения о надписи на Тмутараканском камне как о каком-то исключительном в палеографическом отношении явлении. Тем более что и у историков языка эта надпись стала хрестоматийной и во всех учебниках при датировке начала какого-либо явления принято ссылаться на пример Тмутараканской надписи.

Наиболее подробно палеография и филология Тмутараканской надписи рассмотрена в рецензии И. Кудрявцева, Л. Тигановой, Н. Тихомирова на книгу А. Л. Монгайта. Эта рецензия опубликована в журнале «Молодая гвардия»¹⁹, где авторы совершенно правильно сравнивают надписи на камне не только с рукописями XI—XII вв., но и отчасти с надписями «торжественного стиля» на различных предметах, заглавными буквами и инициалами рукописей.

Очевидно, только популярный характер журнала, в котором публиковалась работа, и ее назначение — рецензия (рассматриваются лишь начертания букв, казавшихся А. Л. Монгайту подозрительными) не позволили авторам дать полную и обоснованную картину палеографических особенностей надписи.

В настоящее время открыто большое количество надписей на различных предметах, в том числе на камнях (южнославянских), чеканных, гравированных, берестяных грамот и граффити, которые не были известны ученым не только XIX, но и первой половины XX в. Поэтому необходимо сравнить эпиграфические и филологические особенности Тмутараканской надписи с этим огромным фондом эпиграфических памятников, без чего нельзя обоснованно судить о ее соответствии или несоответствии памятникам XI в.

Но возможно ли говорить о ее палеографии? Широко известно уже упоминавшееся мнение И. А. Шляпкина о том, что камень при помещении в Эрмитаж был почищен, вследствие чего известный знаток вещевой палеографии не решался делать палеографических заключений по подправленной надписи. Между тем А. С. Раевский на одном из заседаний XV Археологического съезда предположил, что «приведение камня в надлежащий вид» состояло лишь в очистке его от грязи и плесени²⁰. Неизвестно, почему требовалось теоретическое обсуждение этого момента: гораздо

¹⁷

Кузьмин А. Г.
*Существует ли проблема
Тмутараканского камня?* —
СА, 1969, № 3, с. 282.

¹⁸

Лопатина Л. Е.
*Тмутараканскому камню
900 лет. — Русская речь,*
1968, № 3, с. 97—99.

¹⁹

Молодая гвардия, 1970, № 1,
с. 294—301.

²⁰

*Труды XV АС в Новгороде
1911 г. (М.), 1914, т. 1,*
с. 119. *Протоколы заседания*
27 июля.

ГЛАЗЫ КНЯЗЬ МЪРНЛЪМЪ АДОКЪ РУЕВА. ЛН. Д. САЖЕ

проще было проверить это по самой надписи, так как нельзя незаметно исправить буквы, вырезанные на камне. Очевидно, прав А. А. Спицын, когда с иронией писал, что камень хранится слишком близко — «и потому так далеко от исследователей»²¹. Он и предпринял после съезда вещеведческое исследование надписи в натуре и пришел к следующему заключению: «Внимательное рассмотрение надписи убеждает, что она не подвергалась расчистке. Все линии ровны, уверенны, чисты. Подправлена и притом неудачно, буква 37-я и, пожалуй, 35-ая»²² (буквы Д и Л в слове «леду»). Следовательно, уже в 1915 г. было ясно, что И. А. Шляпкин ошибался и не стоит теперь ссылаться на его мнение. (И. А. Шляпкин родился в 1858 г.²³, 7 лет спустя после того, как камень перевезли в Петербург, и не мог быть очевидцем этого события.)

Н. Б. Тихомиров обратил внимание на то, что в своих лекциях И. А. Шляпкин ссылается на заметку о камне, напечатанную в «Отечественных достопримечательностях» (ч. II, 1823 г.)²⁴, когда говорит о подозрительном, по его мнению, известии, что камень служил подножием античной статуи (см. с. 12). Текстологическое исследование позволило Н. Б. Тихомирову убедиться, что неизвестный автор (Н. Р.-в) заметки в свою очередь почерпнул все сведения из работы Мусина-Пушкина²⁵.

«I. Мусин-Пушкин

1. Из лиц, нашедших камень, упоминается только Егоров и Пустошкин (с. 55—56).
2. сей камень взят из находящегося развалин древнего города близ крепости Тамани в солдатской казарме, где положен был вместо порога (с. 57, прим. 35)».
3. «. . . с словами в точной величине и почерке на боку камня в двух строках высеченных, . . .»
4. «. . . до Кърчева 8054 сажени» (с. 58)»
5. «От долгого времени в надписи некоторые буквы попортились, но разобрав их есть следы. . . стр. 58, примеч. 36-е»

Н. Р.-в

1. Упоминаются только Егоров и Пустошкин (с. 199).
2. «найденный в развалинах и положенный в солдатской казарме вместо порога (с. 199)»
3. «надпись находится с боку в двух сторонах (sic Н. Т!) высеченных (с. 199)»
4. «. . . до Корчева 8054 сажени (с. 199)»
5. «. . . и по восстановлении стершихся от времени слов. (с. 199—200)»

²¹

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 4.

²²

Там же.

²³

Жуковская Л. П.
Развитие славяно-русской
палеографии. М., 1963, с. 78.

²⁴

Отечественные достопримечательности. СПб., 1823, ч. II (у И. А. Шляпкина ошибочно указан 1824 г.), с. 199, 200.

²⁵

Эти материалы не были
изданы и любезно переданы
мне Н. Б. Тихомировым
для публикации.

6.

Темницкая надпись
(X—XI вв.).
Фото с издания

Из представленных выписок из обеих работ ясно, как у автора заметки «попорченные от времени буквы» превратились в «.восстановленные, стершиеся от времени слова», что в свою очередь дало основания И. А. Шляпкину говорить о каменотесе, «который почистил и подправил буквы». Это текстологическое сравнение трех работ, предпринятое Н. Б. Тихомировым, достоверно объясняет, как возникло ошибочное мнение И. А. Шляпкина.

Таким образом, у нас нет никаких оснований сомневаться «в палеографическом значении надписи»²⁶.

²⁶

Шляпкин И. А.
Палеография. (Дополнение).
Лекции, читанные в 1905/6
учебном году, стенографиче-
ские записанные. СПб.,
1905—1906, с. 5, 6.

²⁷

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 23, 24.

* * *

Как уже говорилось, надпись в две строки высечена на боковой грани камня, в его правой части. Уже само это расположение вызывало подозрения, высказанные А. А. Спицыным: «В надписи прежде всего поражает несоответствие занимаемого ею места к величине самого камня. . Надпись без всякой нужды лепится так тесно, что конец ее не мог поместиться на камень. Естественный вывод тот, что текст нанесен был не прямо на камень, а сперва на бумагу, которая и могла быть целиком наклеена на камень и высечена»²⁷. Эти же соображения повторил А. Л. Монгайт,

7.

Надпись Самуила.
993 г.
Фото с издания

добавив следующие подробности: «Свободно пишущий резчик не обрубал бы слово «море» на слоге «мо», а перенес бы окончание слова в следующую строку, так же он поступил бы со словом «сяжень»²⁸. Прежде всего следует сказать, что конец надписи обломан, а не недописан. В этом убеждает и современный вид камня и рисунок Л. Вакселя²⁹.

Б. В. Сапунов отмечает: «Хорошо заметно, что правый край плиты отбит в два приема, причем от плоскости с надписью идет старый скол под довольно острым углом. Он разрушил концы строк. Затем скол перебит другим, свежим, идущим под прямым углом к плоскости с надписью»³⁰.

Отбиты буквы РѢ в первой строке и НЪ — во второй. В первой строке сохранилась (правда, плохо) часть мачты буквы Р, а в нижней — верхняя часть левой мачты Н с началом черекладины (Н), принятая А. А. Спицыным за остаток надстрочного Н³¹.

На рисунках Л. Вакселя и П. С. Палласа зафиксирована глубокая трещина, которая пересекает камень посередине. Надпись расположена справа от трещины. Возможно, что эта трещина и послужила причиной смещения надписи. Но эта же причина могла побудить сдвинуть надпись и резчика XVIII в., поэтому расположение надписи не может служить доказательством ни за, ни против подлинности ее. Внимательное изучение самих букв надписи убеждает, что ни о каком бумажном образце,

²⁸

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 105.

²⁹

Изображение разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 гг. с приложением Географической карты тех мест с древними наименованиями. Изданные Н. С. Вакселем. СПб., 1801, № 16.

³⁰

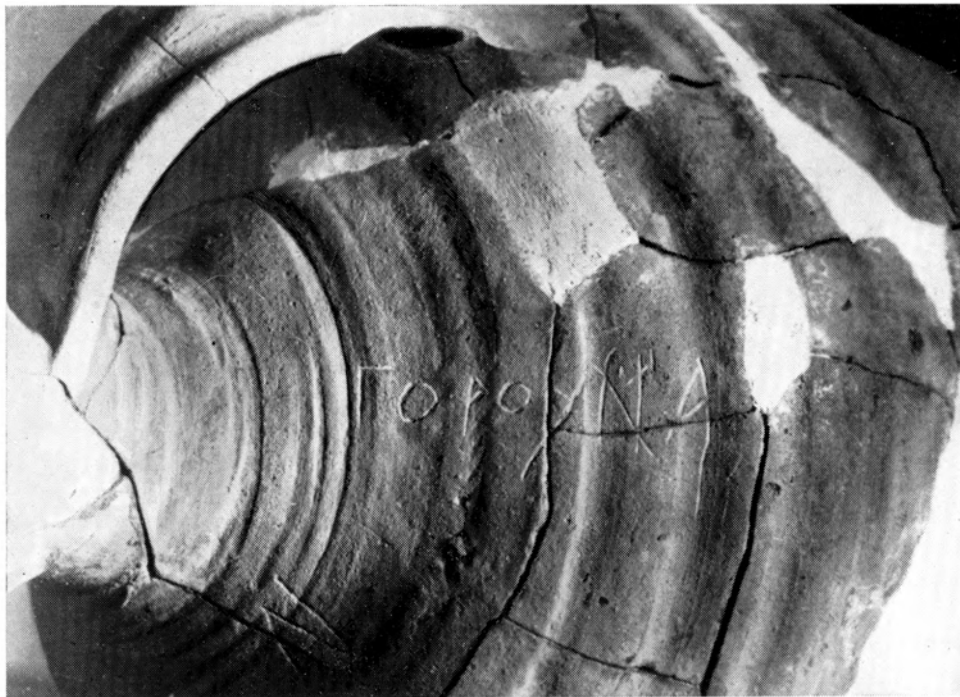
Сапунов Б. В.
О Гмугороканском камне 1068 г., с. 463.

³¹

Спицын А. А.
Гмугараканский камень, с. 16.

8.

Корчага с надписью
из Гнездова
(до середины X в.)

наложенном на камень, не может быть и речи; первая строка надписи выполнена крупными буквами, вторая — более мелкими и даже отнесена несколько влево за рисунок креста, которым начинается надпись. Это вызвано, видимо, тем, что резчик увидел, что для второй строки осталось слишком мало места, этим же объясняется и выносная буква «о» в слове «море».

Измерения букв, предпринятые Б. В. Сапуновым, показали, что и вторая строка выполнена не везде равномерно: резчик сжал слово «Корчева», но потом, убедившись, что текст уложится, стал писать даже шире, чем раньше³².

Расположение надписи и размер букв свидетельствуют лишь о том, что резчик имел намерение выполнить надпись в две строки и не очень точно рассчитал место, поэтому вторую строку пришлось сдвинуть влево и резать более мелкими буквами. Это могло быть и в XI в., и в конце XVIII в., но предположение о «бумажном образце, привезенном из Петербурга», не подтверждается. Кстати, если бы имелся этот бумажный образец, его легче всего было бы сдвинуть влево, так, чтобы вся надпись свободно и симметрично расположилась на камне.

Подозрение у скептиков вызывает аккуратность и каллиграфичность надписи. Впервые их высказал П. П. Свиньин, затем Г. И. Спасский, суммировал А. А. Спицын: «Еще более поражает чистота и аккуратность надписи. Строки идут по линиям, каждая буква выделена так тщательно и аккуратно, как шаблон. Нет ни одной древнерусской надписи, или даже рукописи, которые могли бы стать наряду с Тмутараканской по чистоте работы. .» Уже Спасскому «сохранность» надписи казалась подозрительной, «он признает ее слишком «явственной и четкой»³³. Это же повторил и А. Л. Монгайт: «Поражает ее чистота и аккуратность. Строки идут по линиям, каждая буква выделана тщательно и аккуратно, как бы по шаблону»³⁴.

³²

Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1068 г., с. 462, 463. Размеры
букв, указанные Б. В. Сапу-
новым, следующие: «М» —
25 мм, строчные «Т» —
25 мм, «Ѡ» в предлоге «от» —
30 мм, в слове «Корчева»
«К» — 15 мм, «Ѡ» — 15 мм,
Ѹ — 12 мм. Высота букв
первой строки — 30 мм,
второй — 25 мм, ширина
букв верхней строки от 20
до 25 мм, нижней — от 15
до 20 мм.

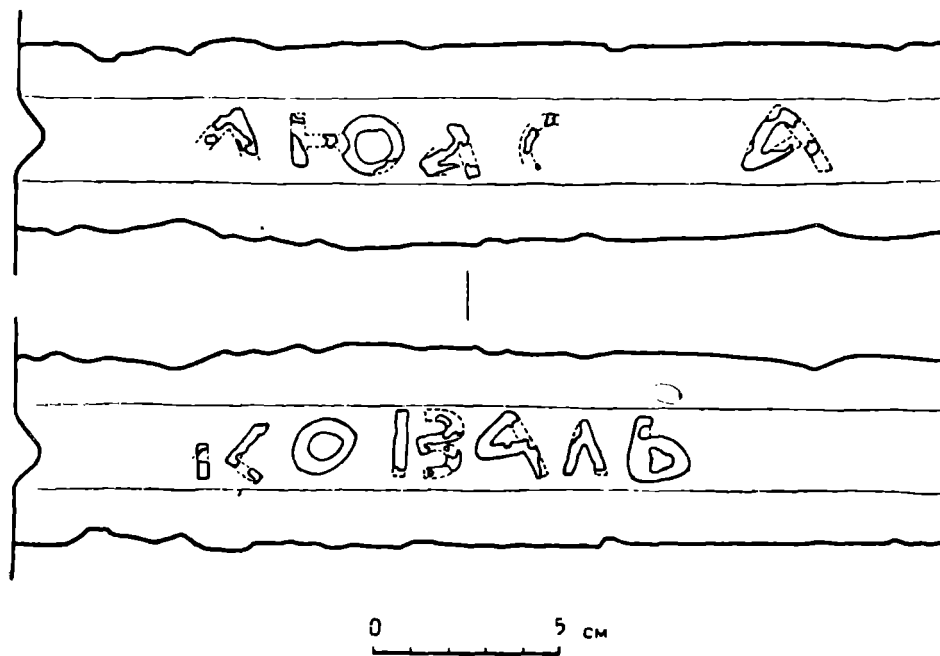
³³

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 24.

³⁴

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 99.

9.

Клеймо мастера-оружейника на мече
(первая половина XI в.
Ст. Фощеватая)

О действительной сохранности камня и надписи, которые явно не соответствуют ретушированным фотографиям, сделанным к тому же с гипсового слепка³⁵, говорилось выше. Сильно уменьшенные фотографии, сопровождавшие публикации А. А. Спицына, являются причиной и другого заблуждения «о ровности строк» и букв, напоминающих «типографский шрифт»³⁶. На самом деле линия строки выдержана не на всем протяжении надписи. Это особенно заметно на прориси, выполненной в натуральную величину: обе строки приблизительно с середины надписи заметно сползают вниз, расстояние между ними колеблется на разных участках от 2—2,2 см до 1,5—1,7 см. Не выдержана линия строки и на отдельных участках надписи: например, буквы первой строки, обозначающие дату, значительно выше общего уровня. Во второй строке поднята вверх часть букв слова «Тмутараканя». Эти же особенности можно проследить и на фотографии, где они, однако, менее заметны из-за значительного уменьшения. Размеры букв, также не одинаковые, приводились выше. Таким образом, у нас нет никаких оснований сравнивать буквы надписи с «типографским шрифтом». «нашего времени», выполненным на бумаге со «старательностью и сухостью, естественной для имитации»³⁷. Тем не менее, несмотря на указанные особенности, надпись каллиграфична, так как нарушения строки и размеров букв не бросаются в глаза, буквы четки и изящны, что обличает руку опытного резчика. По каллиграфичности А. А. Спицын справедливо находил аналогии в греческих надписях, «сделанных столь же чисто, как Тмутараканская, и шрифтом чрезвычайно к ней близким»³⁸. А. Л. Монгайт не соглашался с этим мнением, считая его бездоказательным³⁹.

В рецензии А. Г. Кузьмин⁴⁰ сравнивает известную херсонесскую надпись 1059 г. с Тмутараканской, находя сходство и в каллиграфичности, наличии «Р» в строке, выносного «О», необычного сокращения индикта⁴¹.

35

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 15.

36

Там же, с. 24; Монгайт
А. Л. Надпись на камне,
с. 99, 100.

37

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 24.

38

Там же, с. 28.

39

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 100.

40

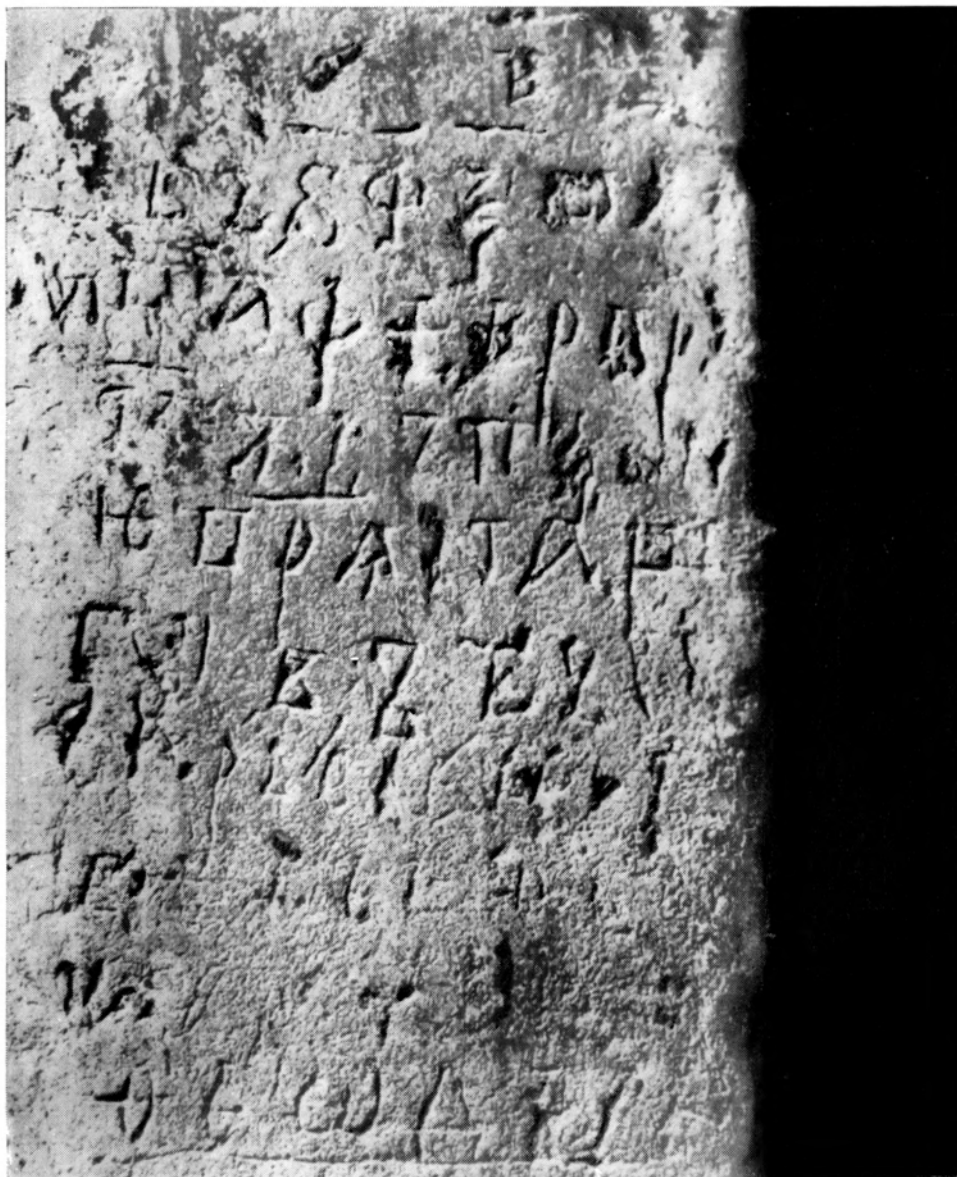
Кузьмин А. Г.
Существует ли проблема
Тмутараканского камня?
с. 282.

41

Там же, с. 296.

10.

Граффити 1054 г.
из Софии Киевской.
Фото

⁴²

Кудрявцев И., Тиганова Л.,
Тихомиров Н.
Поддельные сомнения. — Мо-
лодая гвардия, № 1, с. 294—
301.

⁴³

Рыбаков Б. А.
Русские датированные
надписи... № 16, 17, 21,
24, 38.

⁴⁴

Лазарев В. Н.
Михайловские мозаики. М.,
1966, табл. 35, 43; он же.
О росписи Софии Нов-
городской. — Древнерусское
искусство. Художественная
культура Новгорода. М.,
1968, с. 26, 28, 34, 35, 38,
рис.

Но можно привести и славянские аналогии. И. Кудрявцев, Л. Тиганова, Н. Тихомиров сопоставляют с ней по «каллиграфичности» почерка южнославянские памятники — Темницкую надпись X—XI вв. и Битольскую (1016—1018 гг.)⁴². Из древнерусских памятников можно привести в пример надписи на новгородских крестях (первая половина XII в.), 2-й Борисов камень (до 1128 г.?), надпись на чаре Владимира Давыдовича (до 1151 г.?), на кресте Святослава (1234 г.)⁴³, надписи на фресках и мозаиках⁴⁴. Исследователям XIX в. было простительно удивляться «аккуратности» Тмутараканской надписи, но в настоящее время она не представляет собой ничего исключительного. Каллиграфичность зависит не столько от древности или «молодости» надписи, сколько от ее

назначения и умения резчика. Красота, четкость и уверенность букв надписи на Тмутараканском камне свидетельствует лишь о квалифицированности резчика, выполнившего надпись по княжескому заказу.

* * *

Перед тем как перейти к непосредственному палеографическому анализу, нужно отметить следующее. Издания Тмутараканской надписи сопровождалось в лучшем случае фотографиями⁴⁵, уменьшенными и, как правило, сильно ретушированными. Прорисы надписи, после весьма несовершенной, приложенной к работе И. И. Срезневского⁴⁶, не издавалось. Но никакая, даже самая совершенная фотография, не может заменить исследование самого эпитафического памятника. А. А. Спицын писал о своих современниках: «Можно с уверенностью сказать, что никто из палеографов нашего времени не изучал Тмутараканскую надпись в подлиннике: одни ее слегка осматривали, другие, большинство, и в глаза не видали». Это замечание А. А. Спицына, к сожалению, касается и некоторых современных авторов. Между тем особенностью надписи на Тмутараканском камне является то, что сохранность самих линий и букв не везде одинакова. Наибольшие повреждения (утраты мрамора) отмечаются по контуру многих букв, отчего линии, их образующие, выглядят более широкими, «расплывшимися», чем это было первоначально, а петли многих букв приобретают «угловатые» начертания. Даже при первом смотре

11.

Надпись о начале строительства из Софии Новгородской (1050?).
Фото

⁴⁵

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи... табл. XIII; Сапунов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г.

⁴⁶

Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885, с. 134.

утраты мрамора по контуру букв, особенно на изгибах, искажают их форму. Но так как надпись выполнена глубоко врезанными линиями, а мрамор, как правило, выкрошился только на поверхности, по глубоко врезанным канавкам легко восстановить общие первоначальные контуры букв.

На рисунке (с. 20, 21) приводится прорись надписи. При изготовлении этой прориси особенно важной была задача проследить общий контур букв, по самой их глубокой части. Этот первоначальный контур дан сплошной жирной черной линией, более поверхностные утраты, повторяющие (а иногда и искажающие) контуры букв, даны более тонкими линиями. Очевидно, и эта прорись не в состоянии заменить подлинник, так как дает лишь форму букв на каком-то одном срезе.

Фотографии, в сопоставлении с прорисью, до некоторой степени помогут воссоздать действительный облик надписи.

Теперь вернемся к палеографическим особенностям надписи. Она выполнена крупным, четким уставом, причем пропорции некоторых букв: М, Н, Т близки к квадрату. Буквы строго вертикальны, некоторые слегка наклонны к началу строки. Эти особенности присущи русским уставным памятникам XI—XII вв.⁴⁷

Надпись начинается с изображения креста, сильно поврежденного. «Крест, — писал А. А. Спицын, — сбит ударами тупого орудия, скорее всего простого камня. По вероятному предположению Я. И. Смирнова, эта порча принадлежит руке мусульманина»⁴⁸. За крестом особый знак — квадрат, обозначенный точками по углам с точкой же посередине. До последнего времени на изображение креста особого внимания не обращали. Б. В. Сапунов, предприняв тщательное его обследование, «пришел к следующим выводам:

1) крест вырезан одновременно с надписью и является ее составной частью;

2) форма креста на камне соответствует формам крестов, исполненных в технике процарапывания в конце XI—начале XII в.;

3) крест тмутараканской надписи относится к типам, которые не были известны в конце XVIII в.»⁴⁹ Эти факты, по мнению Б. В. Сапунова, являются дополнительными доказательствами подлинности надписи. Изучение судьбы камня после его открытия, так же как и обстоятельств ее находки, подтверждает правильность мнения Я. И. Смирнова: «Скорее всего, крест был уничтожен до прихода русских на Тамань»⁵⁰. Это предположение выглядит еще вероятнее, если сравнить почти исчезнувшее изображение креста со следующим знаком, квадратом, находящимся совсем рядом, но тем не менее хорошо сохранившимся, — налицо целенаправленное уничтожение христианского символа.

Относительно следующего знака — квадрата А. А. Спицын замечал, что это «знак, не обычный для русских рукописей, где он заменяется ромбом из 4-х точек»⁵¹. Действительно, ромб из четырех точек, или косой крест с точками в средокрестии, часто встречается в начале и конце строк или фраз в славянских рукописях, в том числе XI—XII вв.⁵² Знак тмутараканской надписи является вариантом такого же знака из рукописей — только несколько иначе оформленным и расположенным.

Нужно отметить, что с изображения креста часто начинаются и надписи на произведениях искусства⁵³ и выделяются начала и концы фраз в богослужебных книгах. Например, в Остромировом евангелии крест близкой формы часто употребляется, разделяя фразы⁵⁴. Следовательно, наличие креста и особого знака в начале фразы находится в полном соответствии с другими памятниками письменности XI—XII вв.

47

Щепкин В. Н.
Русская палеография. М.,
1907, с. 106; *Каринский*
Н. М. *Образцы письма древ-*
нейшего периода истории
русской книги. Л., 1925, с. 6.

48

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 15.

49

Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1908 г., с. 466.

50

Там же, с. 467.

51

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 15.

52

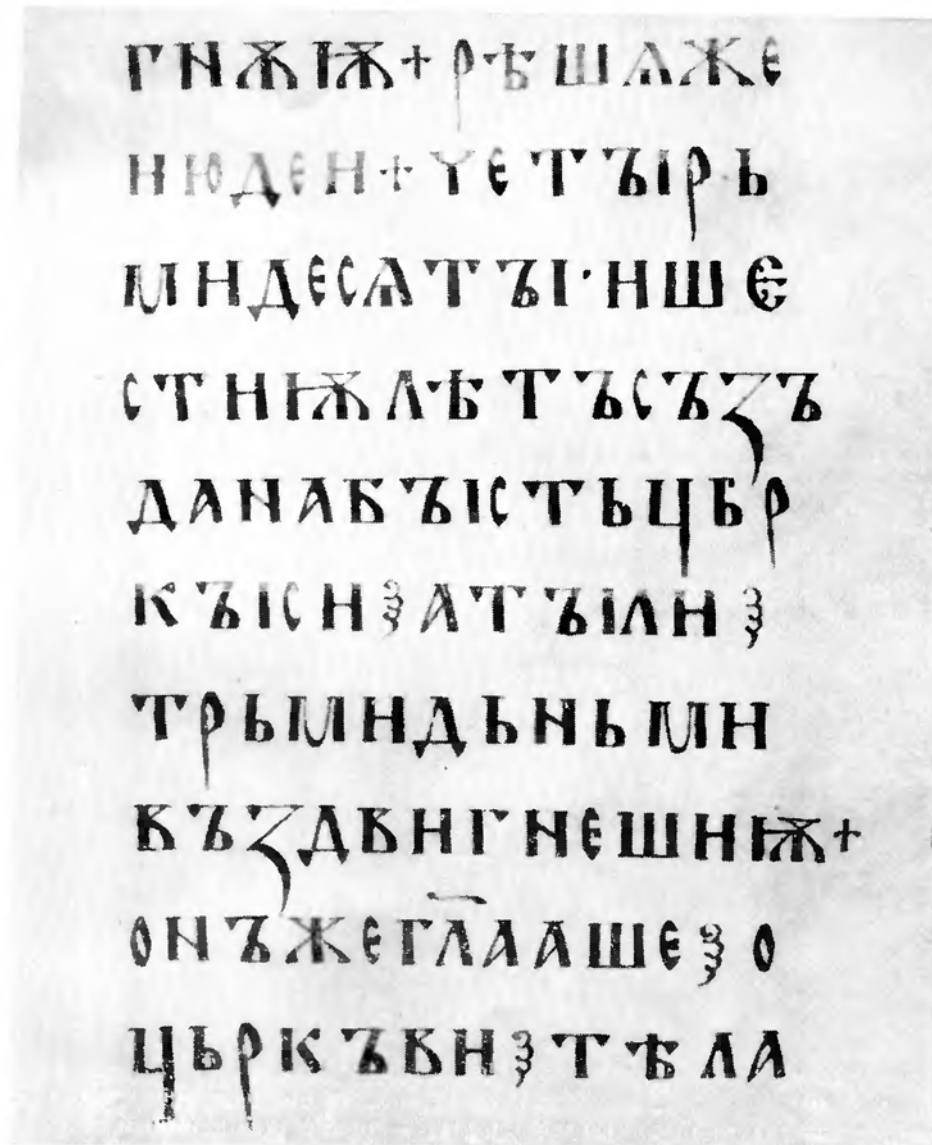
Трусевич А. А.
Свод 260 азбук и образцов
кириллицы из снимков ру-
кописей X—XVIII веков
русско- и юго-славянских. —
Изборник 1905 года, вып. I.
СПб., 1905, № 2, 4, 14, 17,
25, 31 и др.

53

Рыбаков Б. А.
Русские датированные
надписи, № 17, 24, 25, 27.

54

Каринский Н. М.
Образцы письма...,
табл. 4, 5.

12.

Остромирово евангелие
(1056 г.)
низ 2-го стлб. л. 9,
по М. Н. Каринскому

Важно и смысловое назначение креста. А. А. Спицын обращал внимание исследователей на то, что Тмутараканская надпись не религиозного, а «гражданского» содержания, что, по его мнению, было подозрительным⁵⁵. Ему была известна надпись на так называемом Стерженском кресте, датированная 1133 г., поставленном новгородским боярином Иваном Павловичем в верховьях Волги. На кресте высечена надпись такого содержания: «В лето 6641 (1133) аз Иванно Павлович начал рыти реку сю и крест сей поставил». Очевидно, в надписи говорится о начале каких-то гидротехнических работ: вероятно, работ по углублению русла в истоках волжского речного пути⁵⁶.

А. А. Спицын считал, что надпись сделана Иваном Павловичем себе в благословение, так как она выполнена на кресте⁵⁷. На этом основании

⁵⁵

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 18.

⁵⁶

Рыбаков Б. А.
Русские датированные
надписи. . . , с. 28.

⁵⁷

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 18.

13.

Остромирово евангелие
(1056 г.)
низ. л. 153 об.
(по М. Н. Каринскому)

58

Трусевич Я. И.
Свод 260 азбук и образцов
кириллицы. . .; Срезнев-
ский И. И. Славяно-русская
палеография. . ., с. 125.

59

Рыбаков Б. А.
Русские ватированные
надписи. . ., № 9, 10, 16, 27.

60

Авдусин Д. А.,
Тихомиров М. Н.
Древнейшая русская
надпись. — Вестник
АН СССР, 1950, IV, с. 74
и сл.; Толстой И. И. Древ-
нейшие русские монеты
Великого княжества Киев-
ского. СПб., 1882, с. 59;
Кирпичников А. Н. — Дре-
внейший русский подпункт
меч. — СА, 1965, № 3;
Кузнецов В. А., Меды-
цева А. А. Славяно-русская
надпись XI в. из Пре-
градного. — КСИА, 1970,
вып. 144.

он отрицал аналогию с надписью Глеба. На самом деле Тмутараканская надпись, хотя по каким-то соображениям и выполнена на случайном материале — античной мраморной плите, — также начинается с изображения креста. Тем самым надпись на Тмутараканском камне помимо того, что сообщала об определенном событии, имела и заклинательный, благопожелательный для упоминаемого в ней лица, смысл. Таким образом, среди монументальных надписей надпись на Стерженском кресте по назначению и содержанию представляет, пожалуй, наиболее близкую аналогию надписи Глеба.

Буква встречается два раза во второй строке надписи. Правая часть буквы расположена под углом к началу строки, петля вытянута и несколько заострена. Эта форма типична для рукописей XI—XII вв. Находит особенно близкие аналогии в крупном почерке Остромирова евангелия⁵⁸. Нередко такое и в русских эпитафических памятниках второй половины XI—XII вв.⁵⁹ Следует отметить, что в русских эпитафических памятниках X—первой половины XI в. обычно и другой формы — с маленькой треугольной головкой⁶⁰.

Встречена один раз, в первой строке. Мачта несколько наклонна к началу строки, верхняя черта горизонтальна, петля занимает половину буквы. Из-за утрат мрамора по контуру петли кажется, что она образована несколько изломанной линией. Первоначальные контуры буквы — с правильной, округлой петлей. Близкие формы имеются и в мелком, и в крупном почерках Остромирова евангелия ⁶¹.

Два варианта. В первом случае (ВЪ) имеет несколько меньшую верхнюю половину, во втором — петли равновелики. Обе формы встречаются уже в древнейших рукописях и памятниках эпиграфики ⁶².

Встречена три раза. Характерной особенностью буквы является длинный язычок, далеко выходящий за ее пределы. А. А. Спицын указывал аналогии такому начертанию в греческой Партенитской надписи 906 г. ⁶³ Близкая форма имеется в текстах преславских керамических табличек (X в.) ⁶⁴ (но при этом Ё в Тмутараканской

⁶¹

Каринский Н. М.
Образцы письма. .
табл. 1—5.

⁶²

Карский Е. Ф.
Славянская кирилловская
палеография. Л., 1928, с. 182;
Рыбаков Б. А. Русские дати-
рованные надписи. .
Сводная азбука, № 1, 2, 9,
10.

⁶³

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 28.

⁶⁴

Станчев Ст.,
Иванова В.,
Балан П.-Боев М.
Надписет на череубила
Мостич. София, 1955, с. 125,
127, рис.

надписи отличается более вытянутыми пропорциями). Для русских письменных памятников такая форма не характерна, но изредка наблюдается среди других и в письме Остромирова евангелия (3-й почерк, по определению Н. М. Каринского)⁶⁵. В древнерусских эпиграфических памятниках **Ѣ** с длинным язычком имеются в надписях на новгородском кратире работы мастера Косты и на окладе иконы Корсунской богородицы (первая половина XII в.)⁶⁶.

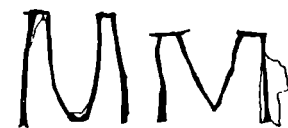
Эта буква встречена всего лишь раз, середина ее выкрошилась, поэтому способ начертания ее установить трудно. На первый взгляд кажется, что она написана в пять приемов, в то время как в эпиграфических датированных памятниках XI—начала XII в. отмечена лишь форма, которая чертилась в три приема⁶⁷. Но изучение сохранившихся глубоких черт буквы позволяет утверждать, что она чертилась в три приема: мачта — плюс две перекрещенные изогнутые линии, т. е. так, как она писалась в древнейших славянских и русских памятниках⁶⁸.

Встречена один раз, в слове «князь». Имеет большой горизонтальный навес и маленький хвостик, повернутый вниз почти под прямым углом. Е. Ф. Карский отмечает, что такое начертание свойственно некоторым греческим памятникам конца X и XI столетий⁶⁹. В Остромировом евангелии эта буква обычно пишется с более длинным хвостом, хотя одна из форм в третьем, «вычурном» почерке⁷⁰ довольно близка к тмутараканской. В древнерусских памятниках некоторую аналогию представляет **З** в граффито 1052 г. и в надписи на кратире работы мастера Братилы⁷¹.

Оба раза перекладина буквы горизонтальна и расположена несколько выше середины, в то время как для устава XI—XII вв. типично такое начертание, когда горизонтальная перекладина находится строго посередине⁷². Но уже в самом древнейшем уставе встречаются начертания с приподнятой перекладиной, в том числе и в Остромировом евангелии⁷³. Есть эта форма и в древнейших южнославянских памятниках, в надписи на Битольской плите⁷⁴ и в Темницкой⁷⁵. Из русских древнейших надписей второй половины XI в. можно отметить близкую форму в одном из киевских граффити⁷⁶.

В первой строке имеет округленную, во второй — заостренную середину. Первая форма находит аналогии в Остромировом евангелии⁷⁷, в надписи на Битольской плите⁷⁸. По наблюдениям Е. Ф. Карского, форма **М** с округлой серединой древнее, чем с острой, но уже в памятниках XI в. (Свято-славовом сборнике 1073 г.) встречается **М** с острой серединой⁷⁹. В древнерусских надписях XI в. отмечены обе формы⁸⁰.

⁷² Заимов И., Битолски надписи. ., с. 43, 57.

⁷⁹ Карский Е. Ф., Славянская кирилловская палеография, с. 195.

⁸⁰ Рыбаков Б. А., Древнерусские датированные надписи. ., № 2, 3, 4, 6, 9, 10.

⁶⁵ Каринский Н. М., Образцы письма. . ., табл. 5, сноска 1.

⁶⁶ Рыбаков Б. А., Русские датированные надписи. . ., № 17, 19.

⁶⁷ Там же, № 1, 6, 7, 12.

⁶⁸ Карский Е. Ф., Славянская кирилловская палеография, с. 188.

⁶⁹ Там же, с. 191.

⁷⁰ Каринский Н. М., Образцы письма. . ., табл. 5, сноска 1.

⁷¹ Рыбаков Б. А., Русские датированные надписи. . . № 1, 16.

⁷² Щепкин В. Н., Русская палеография, с. 112.

⁷³ Карский Е. Ф., Славянская кирилловская палеография, с. 192.

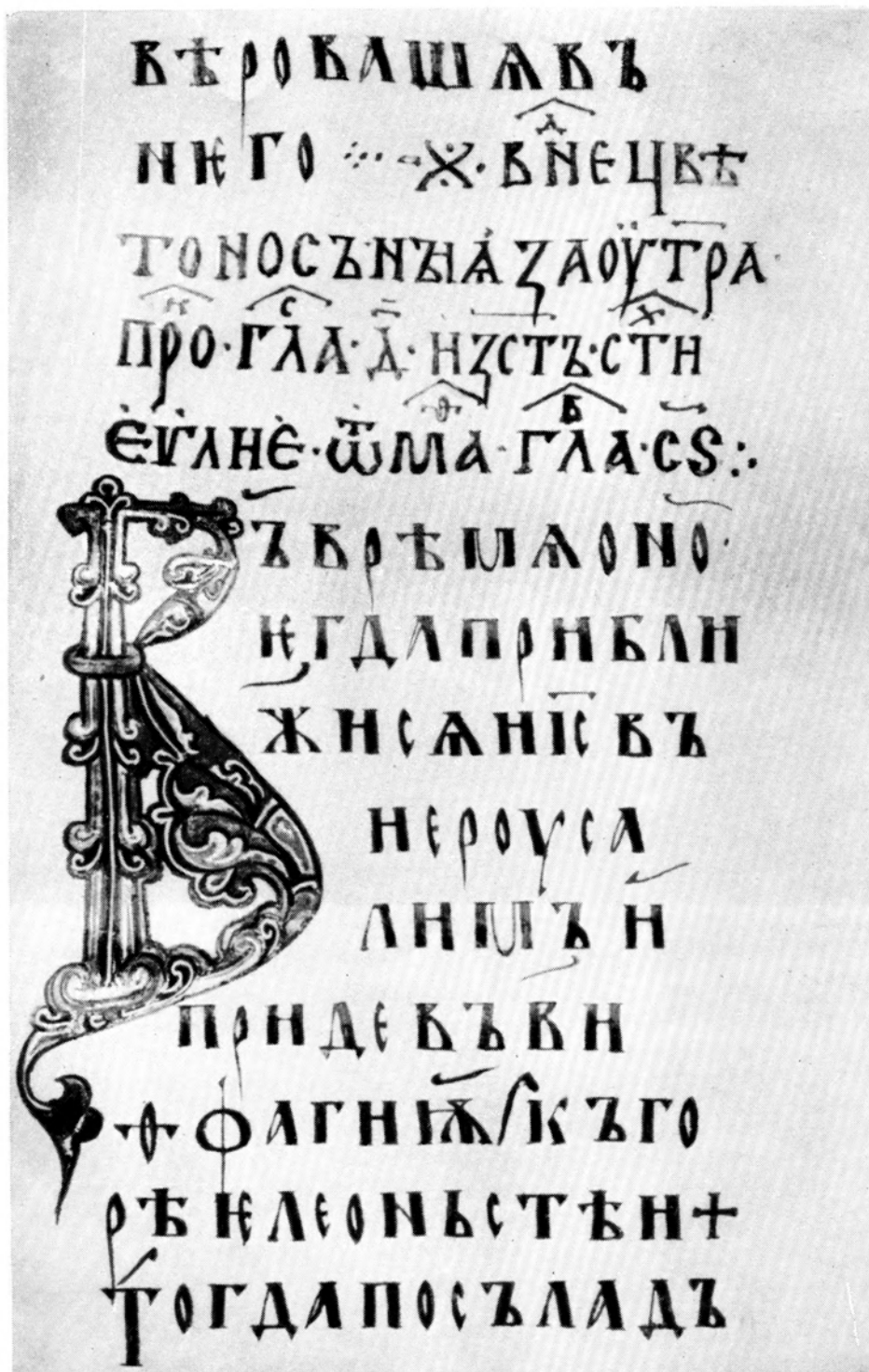
⁷⁴ Заимов И., Битолски надписи на Иван Владислав самодержец Български. София, с. 41, № 5, 6.

⁷⁵ Станчев Ст., Иванова В., Балав П.—Боев М., Надписята. . ., с. 143, рис. 43.

⁷⁶ Рыбаков Б. А., Древнерусские датированные надписи. ., № 3.

⁷⁷ Каринский Н. М., Образцы письма. табл. 4, 5.

14.

Остромирово евангелие
(1056 г.)
низ 2-го стлб. л. 140
(по М. Н. Каринскому)

15.

Новгородский кратир
работы мастера Кости
(первая половина XII в.)

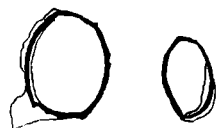
16.

Надпись на новгородском
кратире мастера Бра-
тилы
(начало XII в.).
Фрагмент.
Фото

Встречено три раза, в двух случаях (в первой строке) перекладина Н почти доходит до нижнего конца правой мачты, во второй — перекладина буквы более укорочена. Оба варианта имеются и в Остромировом евангелии ⁸¹, и в русских надписях второй половины XI в. ⁸², и в древнейших южнославянских эпиграфических памятниках ⁸³.

Начертание этой буквы в Тмутараканской надписи очень характерно. Встречена 7 раз, в том числе один — в дате и один раз — выносное (в слове «море»). Отличается пропорциями, близкими к квадрату, особенно в первой строке, в слове «лето». Более вытянуты О во второй строке, где резчик экономил место; но тоже довольно широки. И. И. Срезневский писал, что О в Тмутараканской надписи имеет близкие аналогии в начертаниях Остромирова евангелия ⁸⁴. Однако широкое О встречается лишь в мелком почерке для написания ОѢ. Обычное О в этой рукописи, как и в других рукописных памятниках XI—XII вв., — вытянутое, узкое, с заостренными концами ⁸⁵. Широкое, круглое О встречается в некоторых южнославянских надписях: Добруджанский 943 г. ⁸⁶, на керамических табличках из Преслава (X в.) ⁸⁷, в надписи Самуила (993 г.) ⁸⁸, Варошской надписи (996 г.) ⁸⁹. Очевидно, эта форма объясняется влиянием византийского унциала старшей поры. Из древнерусских памятников такое О имеется в Гнездовской надписи (до середины X в.) ⁹⁰ и в надписи на мече (первая половина XI в.) ⁹¹. Следовательно, такая форма в Тмутараканской надписи сохраняется как архаическая традиция. Уже говорилось, что «выносное» О в слове «море» вызывало недоумение некоторых исследователей: «Неожиданна и обычно в русских памятках не встречается выносная гласная. . .» ⁹² И. Г. Кузьмин отметил, что выносное О имеется в некоторых византийских эпиграфических памятниках XI в. ⁹³ Авторы рецензии на книгу Монгайта пишут: «Только в Остромировом евангелии отмечено более 20 случаев употребления выносных, аналогичное явление и в Изборнике 1073 г.» ⁹⁴ Выше отмечалось, что выносная буква в слове «море» объясняется недостатком места, как и в Остромировом евангелии. Точно в таком же положении выносное О употреблено в надписях на новгородских кратирах (см. рис. 16) ⁹⁵.

Р Все три раза буква целиком уместается в строке и имеет маленькую угловатую, как кажется из-за утрат мрамора (почти четырехугольную в верхней строке) головку. Первоначальные контуры этой буквы очерчивают головку с плавной дугой, соединяющей прямой угол. А. Л. Монгайт считал, что именно в написании этой буквы проявляется отличие Тмутараканской надписи от русских памятников XI—XII вв.: «Буква Р написана в строку, а во всех памятниках XI и XII вв. хвост этой буквы пишется ниже строки» ⁹⁶. Между тем

⁸¹ Каринский Н. М. *Образцы письма*. . . табл. 4, 5.

⁸² Рыбаков Б. А. *Древнерусские датированные надписи*. . . № 1, 2, 3, 6, 8.

⁸³ Иванов П. *Български старини из Македония*. София, 1931, с. 45.

⁸⁴ Срезневский И. И. *Славянорусская палеография*. . . с. 133.

⁸⁵ Каринский Н. М. *Образцы письма*. табл. 1—5.

⁸⁶ Станчев Ст., Иванова В., Балан П.-Боев М. *Надписѣт*. . . о. 143, рис. 43.

⁸⁷ Там же, 125—127.

⁸⁸ Там же, с. 122, рис.

⁸⁹ Там же, с. 121, рис. — широкое «о» имеется в слове «лето».

⁹⁰ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. *Древнейшая русская надпись*, рис. 4, с. 74. Авторы отмечают аналогичную форму «о» в некоторых греческих рукописях IX в. и Архангельском евангелии (1097 г.).

⁹¹ Кирпичников А. Н. *Древнейший русский подписной меч*.

⁹² Монгайт А. Л. *Надпись на камне*, 101.

⁹³ Кузьмин А. Г. *Существует ли проблема Тмутараканского камня?*, с. 282.

Кудрявцев И. Тиганова Л., Тихомиров Н. *Поддельные сомнения*, с. 297. *Выносные буквы в Остромировом евангелии*: л. 58, л. 69, л. 135 об. лл. 145, 145 об., л. 169 об. 1, л. 179 об., л. 181, л. 185, л. 190 об., л. 192 об., л. 216, л. 221 об., л. 225, л. 226, л. 231 об., л. 239 и др. Здесь, как и в дальнейшем, ссылки на листы рукописи, отсутствующие в популярном издании, предоставлены Н. Б. Тихомировым. Выносные буквы употребляются обычно в конце строки или перед самым концом.

⁹⁵ Рыбаков Б. А. *Древнерусские датированные надписи*. табл. XXVI, XXVII.

⁹⁶ Монгайт А. Л. *Надпись на камне*, 101.

именно такое начертание является типичным для памятников эпиграфики, начиная с самого древнейшего времени, например в Гнездовской надписи⁹⁷, надписи Самуила (993 г.)⁹⁸. В этих надписях Р имеет более маленькую и округлую головку по сравнению с Р из Тмутараканской надписи, что объясняется большей их древностью. Близкую аналогию представляет эта буква в надписи на Битольской плите (X—XI вв.) и в Темницкой 1015—1016 гг.⁹⁹ Для русских эпиграфических памятников Р в строке типично¹⁰⁰. Встречается такое начертание и в заглавных буквах рукописей X в.: в «вычурном» почерке Остромирова евангелия¹⁰¹, Изборниках Святослава, Архангельском евангелии¹⁰². Следовательно, наличие Р, целиком уместающегося в строке, не только не вызывает подозрений, но находится в полном соответствии с графикой эпиграфических памятников.

Оба раза употреблено во второй строке. Лигатурное начертание в свое время вызывало подозрения Г. И. Спасского. Ему возражал А. Х. Востоков, указывая на аналогии в рукописях XI в. П. Г. Бутков отмечал такие формы в Остромировом евангелии и на Черниговском змеевике (XI в.)¹⁰³. С тех пор лигатурное написание *Ѹ* ни у кого сомнений не вызывает, так как не только в рукописях; но и в многочисленных эпиграфических памятниках эта форма не является редкостью¹⁰⁴. Очевидно, употребление лигатурной формы в Тмутараканской надписи также объясняется недостатком места.

Встречена однажды, в написании предлога «от», Т вынесено над *Ѹ*. Эта буква вызывала наиболее упорные сомнения. Прежде всего не нравились изломанные начертания буквы: «Омега» (*Ѹ*) с изломом углов не встречается ни в русских, ни в греческих памятниках¹⁰⁵. Г. И. Спасского удивляла лигатурная форма написания предлога *Ѹ* «от».

И современные лингвисты отмечают, что в Тмутараканской надписи «мы встречаем также один из самых ранних случаев сокращенного (лигатурного) написания предлога. ., которое впоследствии становится обычным для древнерусских памятников»¹⁰⁶.

Но омега с угловатыми начертаниями встречается в некоторых древнейших рукописях. Еще И. И. Срезневский указывал аналогии этой форме для написания предлога «от» в заглавных строках Остромирова евангелия (см. рис. 14). Как строчная, так и заглавная омега с изломанными углами встречается в Пандектах Антиоха (XI в.)¹⁰⁷. Отличает эти формы от омеги в Тмутараканской надписи лишь то, что в последней середина буквы занижена, в то время как для русских памятников XI в. типична омега с высокой серединой¹⁰⁸. Но В. Н. Щепкин указывает и исключения из этого правила: «Изборник 1073 г.», где употребляются обе формы: с высокой и низкой серединой. С несколько заниженной серединой начерчена омега в одном из древнейших граффито — записи о смерти Ярослава Мудрого (1054 г.)¹⁰⁸. Из ранних южнославянских эпиграфических па-

⁹⁷ Ледусин Д. А. и Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись, рис. 4.

⁹⁸ Станчев Ст., Иванова В., Балан П.-Боев М. Надписьт. . . , с. 47, № 1, 3, 6, табл. 6.

⁹⁹ Займов Й. Битолски надпис. с. 47, № 1, 5, 6, табл. 6.

¹⁰⁰ Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи. № 1, 4, 9, 11 и др.

Каринский Н. М. Образцы письма. с. 8 и табл. 4, 5.

¹⁰³ Кудрявцев И., Тизанова Л., Тихомиров Н. Поддельные сомнения, с. 297.

¹⁰⁴ Сплицын А. А. Тмутараканский камень, с. 25.

¹⁰⁶ Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи. . . , № 7, 9, 16, 17, 20—22 и др.

¹⁰⁵ Монгайт А. Л. Надпись на камне, 101.

¹⁰⁶ Лопатина Л. Е. Тмутараканскому камню 900 лет. — «Русская речь», 1968, № 3, с. 98.

¹⁰⁷ Каринский Н. М. Образцы письма. . . , с. 9, 10, табл. 4, сноска 3, табл. 5, сноска 4, 5 «вычурный, золотой почерк»; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 381, рис. 18.

¹⁰⁸ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 112, 113.

¹⁰⁹ Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи, с. 2.

мятников следует отметить Варошскую надпись, где также имеется омега с низкой серединой¹¹⁰.

Для греческих памятников XI в. омега с низкой серединой типична¹¹¹. Следовательно, такое написание в тмутараканской надписи не является исключительным, хотя пока и не находит полных графических аналогий.

Что же касается лигатурной формы написания, то, помимо отмеченных случаев в Остромировом евангелии (см. рис.), можно отметить эту же форму и в «Изборнике 1076 г.», например: Ѡ НЪКЪІХЪ (л. 114б)¹¹² и еще тринадцать подобных случаев¹¹³. В такой же форме предлог «от» имеется на одном из типов печатей (1081—1093 гг.) посадника Ратибора¹¹⁴. Интересные данные об употреблении лигатурной формы содержат берестяные грамоты. Для писем на бересте форма обращения «от такого-то тому-то» обычна, поэтому этот предлог довольно часто в них встречается. Из 10 грамот, стратиграфически датирующихся не моложе 20 яруса (т. е. не моложе 1096—1134 гг.), где встречен предлог «от», в семи грамотах (№ 120, 123¹¹⁵, 181¹¹⁶, 241, 246, св. гр.¹¹⁷, 336¹¹⁸) он имеет лигатурную форму. Из них три относятся, по данным дендрохронологии, к самым древнейшим: № 123 и 181 (1055—1076 гг.), № 246 (1025—1096 гг.); и только в трех грамотах, относящихся к рубежу XI—XII вв. встречено строчное написание предлога (№ 84, 109, 119)¹¹⁹.

Итак, обращение к памятникам русской письменности второй половины XI в. показывает, что лигатурная форма предлога «от» не является необычной.

Встречена один раз, в слове «Корчев». Имеет прямоугольную чашечку, занимающую приблизительно треть буквы. Эта форма также казалась подозрительной: «Буква *у* (червь) написана так, как она нигде в русских памятниках не встречается. .»¹²⁰ Но И. И. Срезневский писал по поводу такого начертания: «Буква *у* не совсем похожа на рисунок буквы *у* в Русских памятниках XI в. определенного времени, но очень похожа на то, как она пишется в древнейших памятниках не русских, — вероятно, потому, что легче было вырезать на камне»¹²¹. Действительно, *у* с прямоугольной чашечкой не редкость в южнославянских рукописях: обычна эта буква для Энинского апостола (XI в.)¹²², встречается в заглавных буквах и приписке в Добромировом евангелии (XII в.)¹²³, в кирилловской приписке на одном из листов глаголического Ассеманова евангелия (XI в.)¹²⁴. В единичных случаях встречается такая форма *у* и в русских рукописях: Остромировом евангелии, Изборнике Святослава 1073 г., Путятиной минее (XI в.), отрывке из жития Феклы (XI в.)¹²⁵. Гораздо реже такая форма употребляется в эпиграфических памятниках. Из древнерусских эпиграфических памятников можно назвать лишь запись-граффити о Бояневой земле (XII в.)¹²⁶, граффити XII в. из Киева (№ 156)¹²⁷ и берестяную грамоту № 113¹²⁸, причем в первом граффити чашечка остроугольна, а в грамоте — боковые черты чашечки *у* округлы.

¹¹⁰ Станчев Ст.
Иванова В.,
Балкан П.-Богоев М.
Надписи... с. 121, рис. 12.

¹¹¹ Шепкин В. Н.
Русская палеография, с. 113,
прим. 48.

¹¹² Карский Е. Ф.
Славянская кирилловская
палеография, с. 376, рис. 12.

¹¹³ Изборник 1076 г. М., 1976,
с. 957. Указатель.

¹¹⁴ Янин В. Л.
Актовые печати древней
Руси X—XV вв., т. I. М.
1970, № 68, табл. 7.

¹¹⁵ НГБ (1958—1954), с. 53,
56, 57.

¹¹⁶ НГБ (1955), с. 67.

¹¹⁷ НГБ (1956—1957), с. 63,
67, 69, 154, 155.

¹¹⁸ НГБ (1958—1961), с. 24—26.

¹¹⁹ НГБ (1953—1954), с. 9,
38—41, 119.

¹²⁰ Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 101.

Срезневский И. И.
Славяно-русская палеография
XI—XIV вв., с. 133.

¹²¹ Мирчев К.,
Ковач Хр.
Енински апостол. Старо-
български памятници от
XI в. София, 1965.

¹²² Карский Е. Ф.
Славянская кирилловская
палеография, с. 382—383,
рис. 19, 20.

¹²³ Иванов И.
Български старини из Маке-
дония, с. 133.

¹²⁴ Кудрявцев И.,
Тиганова Л., Тихомиров Н.
Поддельные сомнения, с. 297.
В Остромировом евангелии—
надпись на миниатюре еван-
гелиста Луки (л. 88 об.);
Изборник Святослава, л. 251
(об.); Путятина минее
(ГПБ, Соф. 202, л. 45,
51 об.), Житие Феклы
(Погод, 63, л. 1 об. л. 2, об.).

¹²⁵ Высоцкий С.
Древнерусские надписи Со-
фии Киевской. XI—XVII вв.
Киев, 1966, табл. XXVII.

¹²⁶ Высоцкий С.
Средневековые надписи Со-
фии Киевской. XI—XVII вв.
Киев, 1976, с. 68, 69.

¹²⁷ НГБ (1953—1954), с. 45.

17.

Второй Борисов камень
(до 1128 г.).

Фото

129

Высоцкий С. А.
Средневековые надписи Софии
Киевской, с. 69.

180

Лавров П. А.
Энциклопедия славянской фи-
лологии, вып. 4, I. Пг., 1915,
с. 10, 11; Карский Е. Ф.
Славянская кирилловская
палеография, с. 166; Мирчев
К., Кодов Хр. Епископи
апостол. 1965, с. 174.

181

Каринский Н. М.
Образцы письма.
табл. 1—5.

182

Станчев Ст.
Иванова В.,
Балан П.-Боев М.
Надписѣт. рис. 13,
с. 122.

Очевидно, оба этих случая можно объяснить стремлением писцов упростить начертание буквы. В других берестяных грамотах и граффити писцы стараются начертить «бокальчиком». Граффити же (№ 156) имеет и другие черты сходства с графикой Добромирова евангелия¹²⁹

Очевидно, правы были исследователи, которые считали, что у с прямоугольной чашечкой древнее формы «бокальчиком» и происходит от глаголического Щ^{130} . Следовательно, начертание на Тмутараканском камне скорее следует объяснить влиянием памятников южнославянского круга, чем трудностями вырезания буквы на камне. Эта форма не только не вызывает сомнений, но, как никакая другая, свидетельствует в пользу подлинности камня.

'h' встречен пять раз, h — только один. Главный стержень буквы слегка наклонен вправо, петля представляет или правильную дугу, или слегка изломанную (в слове «мерил», где петля слегка изломана за счет утраты мрамора). У 'h' петля занимает немного меньше половины буквы, у h — приблизительно треть буквы. Несколько вытянутые пропорции 'h' и особенно h, сравнительно маленькие петли являются особенностью Тмутараканской надписи. Для письма Остромирова евангелия характерны 'h' и h с более крупными петлями, занимающими приблизительно половину буквы. Особенно отчетливо разница проявляется в написании h, в то время как 'h' имеет больше сходства с некоторыми начертаниями этой буквы в Остромировом евангелии¹³¹. Вытянутые пропорции, маленькие треугольные петлицы 'h, h характерны для некоторых южнославянских памятников: надписи Самуила (993 г.)¹³², ктиторской надписи харто-

филакса Павла (X в.)¹³³. Но в Тмутараканской надписи эти буквы, особенно Ъ, отличаются несколько большими петлями и ближе всего стоят к начертаниям в Темницкой надписи (X—XI вв.)¹³⁴. Маленькие петли характерны для киевского граффито о княжении Святослава (1077 г.?), в котором проявляются и другие черты сходства с графикой южнославянских памятников¹³⁵.

И в Тмутараканской надписи эти формы объясняются, очевидно, влиянием памятников этого же круга.

Встречена три раза. Петля аналогична петле Ъ этой же надписи, вся буква целиком уместается в строке, перекладина ее располагается значительно ниже уровня строки, в полном соответствии с особенностями начертания ѣ в других письменных памятниках XI в.¹³⁶

Встречен три раза, один раз вместо Иі (в слове «Тмутороканя»). Находит близкие аналогии в мелком почерке Остромирова евангелия¹³⁷ и в некоторых надписях XI в.¹³⁸

Изучение палеографических особенностей надписи на Тмутараканском камне позволяет утверждать, что, действительно, наиболее близкие аналогии почти все буквы находят в письме Остромирова евангелия. Это объясняется не только хронологической близостью этих памятников, но и их назначением: евангелие Остромира — роскошная книга, украшенная миниатюрами и заставками, так же как и Тмутараканская надпись, выполнена «торжественным» каллиграфическим уставом, по княжескому заказу. Особенно близкие соответствия

18.

Чара Владимира Давыдовича (до 1151 г.). Фото

¹³³

Миятев Кр. Симеонова църква в Преслав и нейният епиграфичен материал. — Български преглед, I., 1929/1930, кн. I, с. 115, 116.

¹³⁴

Зачков И. Битолски надпис. табл. 6.

¹³⁵

Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи. ., № 6; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской, с. 43.

¹³⁶

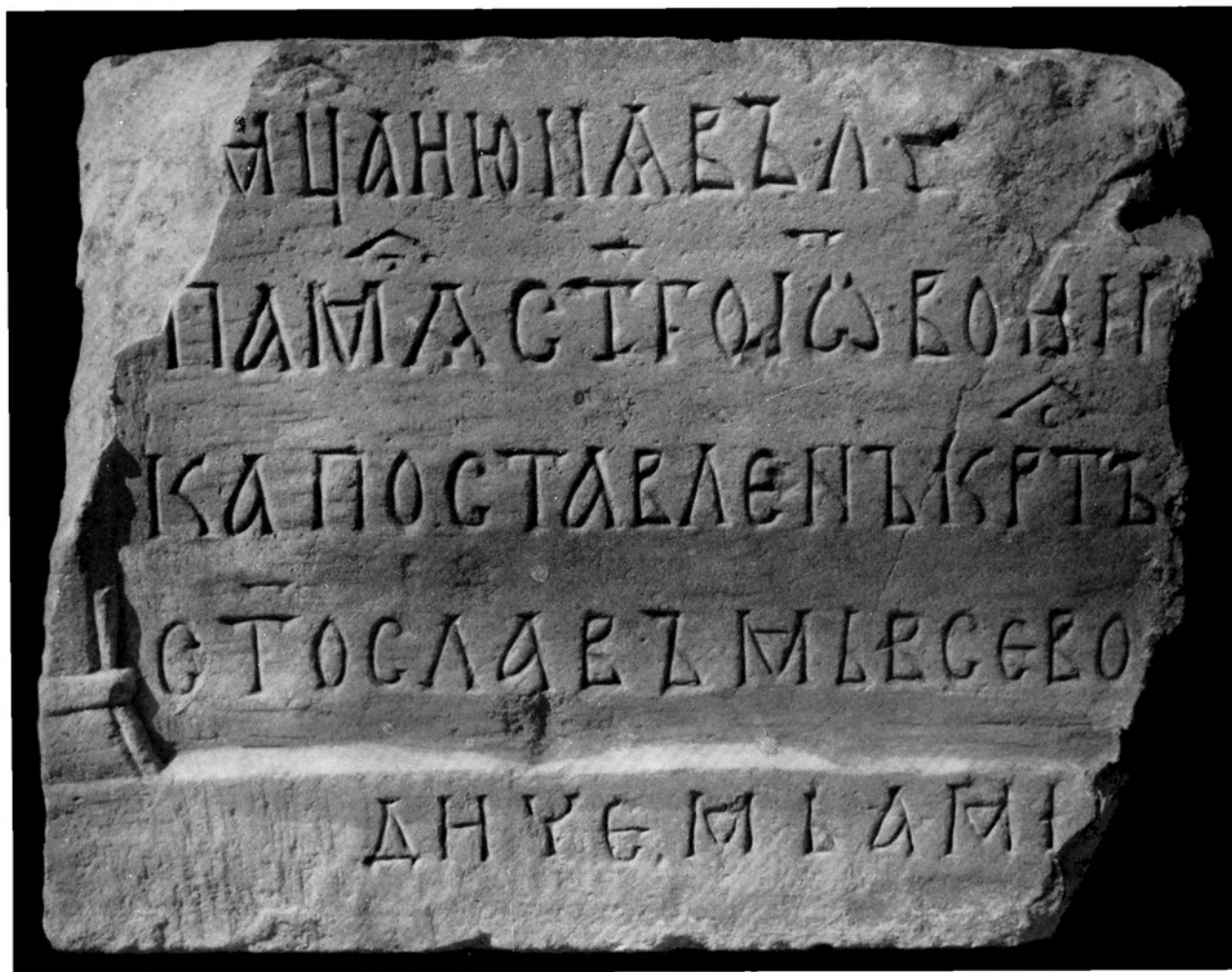
Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 112.

¹³⁷

Каринский Н. М. Образцы письма. ., табл. 1, 5.

¹³⁸

Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи. ., № 3, 6, 8.

19.
Надпись на кресте Святослава Всеволодовича.
(Суздаль, 1234 г.).
Фото

139
Каринский Н. М.
Образцы письма. ., с. 9.

140
Рыбаков Б. А.
Русская эпиграфика X—
XIV вв. (состояние, возможно-
сти, задачи). — В кн.:
История, фольклор, искус-
ство славянских народов. До-
клады советской делегации.
V международный съезд сла-
вистов. М., 1963, с. 41.

обнаруживаются в третьем — «вычурном» или золотом почерке, которым написаны золотые заглавия. Н. М. Каринский предположил, что этот третий писец был специалистом-орнаментатором¹³⁹. Такая же закономерность отмечается и для других эпиграфических памятников «торжественного» стиля, применявшегося мастерами-ювелирами для написания имени заказчика, даты изготовления вещи, богослужебных текстов на фресках и мозаиках — именно эти надписи ближе всего стоят к рукописным начертаниям¹⁴⁰. Это сходство надписей «торжественного» стиля и заголовков в рукописях могло объясняться не только их одинаковым назначением, но и участием специалистов-художников в изготовлении «торжественных» надписей на различных предметах и заголовков в рукописях.

Среди эпиграфических памятников такой близкой аналогии Тмутараканской надписи, какой является Остромирово евангелие, не находится, но целый ряд начертаний (Р, О, С, З, Ы, Н), которые в рукописях встречаются редко, преимущественно в заголовках, свойственны графике памятников эпиграфических — русских, старославянских и греческих. Влиянием южнославянских памятников объясняется и форма ч,

20.

Надпись на Людогосин-
ском кресте
(Новгород, 1359 г.).
Фото

вызывавшая наибольшие подозрения. Близость к византийским эпиграфическим памятникам проявилась и в употреблении знака сокращения индикта, в начертании S внутри O (в дате), в летоисчислении по индиктам¹⁴¹. Но эти аналогии все же не дают оснований называть Тмутараканскую надпись русской эллинизированной, так же как и аналогии графике южнославянских памятников не дают права относить эту надпись к памятникам южнославянским (употребление Л вместо И, полногласие говорят о русском авторе надписи). Черты греческой и старославянской графики свидетельствуют о высокой культуре и образованности заказчика надписи и непосредственного ее исполнителя.

Торжественный, каллиграфичный устав Тмутараканской надписи, свойствен и другим эпиграфическим памятникам XI в., а некоторые начертания находят объяснение в графике и более ранних памятников. Именно это обстоятельство доказывает безусловную подлинность надписи, так как в конце XIX в., к моменту находки Тмутараканского камня, ни одного другого эпиграфического памятника известно не было.

Вернемся теперь к мнению А. А. Спицына о близости графики Тмутараканской надписи к рукописям XIII в.¹⁴² Напомним, что А. А. Спицын был археологом, а не палеографом и, очевидно, не учитывал основных закономерностей развития письма от устава к полууставу и т. д., которые являются главными вехами при датировке памятников письменности. Чисто внешнее сходство — угловатость линий, свойственную отчасти уже древнейшим надписям на камнях, он сравнил с угловатостью линий, которую приобретает устав в XIII в., когда начинает терять симметрию и округлость линий¹⁴³. В надписи же Тмутараканской эта угловатость, как уже отмечалось, в значительной степени является следствием утрат мрамора по контуру букв (это наблюдение не касается формы γ и Ɱ). Очевидно, эта «угловатость» без учета других особенностей графики и дала основание говорить о сходстве букв тмутараканской надписи с рукописями XIII в. и даже с надписью 1359 г. на Людогочинском кресте.

• • •

Помимо каллиграфичности и начертаний некоторых букв, сомнения скептиков вызывали и чисто филологические ее особенности. Г. И. Спасский утверждал, что вместо «БЪ ЛЪТО» должно быть написано «БЛЪТО»¹⁴⁴. Сейчас даже трудно понять, чем вызвано такое представление. Очевидно, оно объясняется тем, что Г. И. Спасский занимался изучением русских рукописей XVI—XVII вв., где именно таким образом (без ъ) и писали предлог «Б». В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, что написание, представленное на Тмутараканском камне является правильным. Г. И. Спасский высказал сомнение и в написании «КНЛЗЪ». без слабого Ъ¹⁴⁵. Теперь известно, что не только Тмутараканская надпись, но и другие русские памятники XI в. отражают процесс утраты редуцированных. Отметим, что в одной только приниске дьяка Иоанна в Изборнике 1073 г. три раза опущен слабый Ъ в этом же слове: «КНЛЗЮ», «КНЛЗЪХЪ», «КНЛЗЪ»¹⁴⁶. В Изборнике 1076 г. чаще встречается написание этого слова без Ъ¹⁴⁷.

Начиная со Свинына и Дубровского, вызывало подозрение отсутствие связки при «МЪРИЛЪ»¹⁴⁸. Как известно, перфект (прошедшее совершенное) в древнерусском языке был сложной формой, состоящей из формы вспомогательного глагола настоящего времени и несклоняемого действительного причастия настоящего времени на «л»¹⁴⁹. П. Г. Бутков привел примеры употребления краткой формы в Остромировом евангелии¹⁵⁰.

¹⁴¹ Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 28.

¹⁴² Там же, с. 24.

¹⁴³ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 114, 115.

¹⁴⁴ Спасский Г. Исследование Тмутараканского камня о русской надписи. — Отечественные записки, 1844, т. XXXVI, раздел II, с. 72.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв., с. 112.

¹⁴⁷ Изборник 1076 г. Издание, подготовленное В. С. Голышенико, В. Ф. Дубровской, В. Г. Демьяновым, Г. Ф. Нефедовым. М., 1965, с. 920. Указатель.

¹⁴⁸ Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 25.

¹⁴⁹ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 260.

¹⁵⁰ Морошкин М. Я. Исследование академика Буткова о Тмутараканском и Тмутороканском камне. — Известия Археологического общества (СПб.), 1863, т. II, вып. 5—8, стлб. 279—296.

В начале XX в. А. И. Соболевский, возражая А. А. Спицыну, заметил, что «сокращенная форма прошедшего времени допускается для живой речи»¹⁵¹. В настоящее время является общеизвестным, что вспомогательный глагол в форме 3 л. ед. и мн. ч. (т. е. в форме, аналогичной встреченной в Тмутараканской надписи, утрачивается довольно рано). Но при этом начало изменения форм перфекта датируется обычно ссылкой на Тмутараканский камень¹⁵².

Между тем обращение к эпиграфическим памятникам показывает, что Тмутараканская надпись не является в этом отношении исключением. В древнейших берестяных грамотах краткая форма перфекта встречается редко (вспомним, что большинство древнейших грамот найдено в обрывках). Можно отметить простую форму перфекта (АМІ КЪНІАГЪНИ, ДРОЖИНА ПОРОЖУИЛІ) наряду со сложной (КОЖИЛЪ ЄНИ) в грамоте № 109 (21 ярус — рубеж XI—XII вв.)¹⁵³, а также «лони крили» в Свицовой грамоте, найденной в том же 21 ярусе¹⁵⁴. В надписях-граффити краткая форма довольно часто встречается уже с середины — второй половины XI в. В киевских граффити перфект без связки можно отметить в записи 1093 г. (?). (ДИМИТРЪ ШЛЪ), в граффити 1073—1076 (?) гг. КЪНІАЖИЛЪ СВАТОСЛАКЪ), в записи XI—XII вв. (БЛАДЪ СЪТВОРИЛЪ)¹⁵⁵. В новгородских граффити XI—XII вв. краткую форму перфекта отмечал еще В. Н. Щепкин¹⁵⁶. В группе надписей, датированных 1050—1108 гг., краткая форма перфекта — ШЛЪ, ПЬСІЛЪ — является обычным явлением. Некоторые из этих надписей связаны со строительством храма Софии и датируются серединой XI в. (ОЛИСТІ ПЬСІЛЪ, ПОУАМІ ДЪЛИТІ)¹⁵⁷.

Таким образом, материал граффити подтверждает высказанное А. И. Соболевским предположение. Очевидно, как особенность эпиграфических памятников, близко связанных с разговорной речью, следует рассматривать появление краткой формы перфекта и в надписи на Тмутараканском камне.

Г. И. Спасский, в качестве сомнительной формы указывал написание «ЛЕДЪ», по его мнению, для XI в. правильное форма «ЛЪДЪ»¹⁵⁸. И в конце XIX в. крупнейший специалист в области древнерусского языка И. И. Срезневский отмечает «любопытное» несохранение слабого Ъ в этом слове¹⁵⁹. Только А. И. Соболевский в дискуссии по поводу доклада А. А. Спицына высказал вполне обоснованное мнение, что написание ЛЪДЪ возможно только с XIII в.¹⁶⁰ Как теперь стало ясно, в древнерусском и старославянском языках, это слово в корне имело не Ъ, а гласный полного образования — Є. Беглая гласная появилась только после падения редуцированных, по аналогии с такими словами, как «день», «дня», где в древности был Ъ¹⁶¹. Следовательно, именно написание «леду» является фонетически обусловленным для XI в. Нельзя предположить, что фальсификаторы конца XVIII в. установили правильную этимологию этого слова.

Г. И. Спасский, а вслед за ним А. Л. Монгайт усомнились в написании названий «ТЪМЪТОРОКІА» и «КЪРУЄКІА», Г. И. Спасский считал более правильной форму ТЪМЪТОРОКІА, основываясь на своей этимологии, по которой название города произошло от «Тъма торков»¹⁶². Но уже П. Г. Бутков установил истинную этимологию этого слова, которое, как и греческая «Таматарха» восходит к тюркскому «tumantarkan» — «определенный сан»¹⁶³. Но, если сомнения Спасского основывались хотя бы на наивной с современной точки зрения этимологии, сомнения А. Л. Монгайта возникли лишь оттого, что написание слова соответствует

151

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 25.

152

Борковский В. И.
Кузнецов П. С.
Историческая грамматика
русского языка, с. 283; Со-
сонов Н. Г. Древнерусский
язык. М., 1973, с. 132.

153

НГБ (1953—1954), с. 38—41.

154

НГБ (1956—1957), 155—
156.

155

Высоцкий С. А.
Древнерусские надписи Со-
фии Киевской, с. 18—24;
41—45; 52—53.

156

Щепкин В. Н.
Новгородские надписи-граф-
фити. Древности. — Труды
Московского Археологического
общества (М.), 1902,
т. XIX, вып. 3, с. 44.

157

Медынцова А. А.
Новгородские надписи-граф-
фити. Памятники русского
языка. Вопросы исследования
и издания. М., 1974, с. 8,
9, 16, 17.

158

Спасский Г.
Исследование Тмутаракан-
ского камня. .., с. 73.

159

Срезневский И. И.
Славяно-русская палеография
XI—XIV вв., с. 133.

160

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 25.

161

Фасмер М.
Этимологический словарь рус-
ского языка, т. II. М., 1967,
с. 474.

162

Спасский Г.
Исследование Тмутаракан-
ского камня. .., с. 73.

163

Фасмер М.
Этимологический словарь
русского языка, т. IV. М.,
1973, с. 65, 66.

его действительной этимологии, которая могла быть известна, по его мнению, и фальсификаторам¹⁶⁴.

Спаскому казалось подозрительным и написание «КЪРҮЄКІ». «КЪРҮЬ*» вместо Керчи не подтверждается никакими другими свидетельствами¹⁶⁵. Эти же сомнения повторяет сто лет спустя А. Л. Монгайт: «Как писали в древности «КЪРҮЄК» неизвестно, так как это слово в памятниках до XVI в. не встречается»¹⁶⁶. Этимология этого слова до сих пор неясна. М. Фасмер предполагает, что оно произошло от корчить — «из «КЪРҮИТИ»¹⁶⁷. Возможна и другая этимология — от къркъ — горло, от расположения города, возле пролива-горла¹⁶⁸. Некоторые исследователи предполагают происхождение названия города от «КЪРЧИЙ» — рударь, кузнец¹⁶⁹.

Неясная этимология слова, отсутствие его в других источниках вызвали сомнения исследователей XIX в. И сегодня нельзя сказать, что этимология этого слова ясна полностью. Но теперь стало известно, что в памятниках XII в. имеется аналогичное написание. И. Кудрявцев, Л. Тиганова, Н. Тихомиров указали производные от слова «КЪРҮЄКЪ», встреченные два раза в Выголексинском сборнике конца XII в.: «...ЩИЦ КЪРҮЄБЬЕКЪИИ, ШИЦ ЖЕ И ГОТЬЕКЪИИ» — л. 65 об.; «...КЪРҮЄКЪ-СКЪИИ СВЯТИТЄДЮ» — л. 69¹⁷⁰. Вряд ли фальсификаторы сумели почти двести лет назад восстановить древнее название Керчи, неизвестное в то время!

Целый комплекс сомнений и разногласий исторического, палеографического и филологического характера связан с прочтением числа саженей и перевода их на современную метрологию. О прочтении числа саженей Мусиным-Пушкиным, Палласом и Олениным уже говорилось выше. Н. А. Оленин установил правильное чтение числа саженей: $\overline{1}.\overline{1}.\overline{H}.\overline{A}$ (10 тысяч и 4 тысячи) — 14 тысяч. Для определения расстояния между городами он обратился к военно-топографическим картам, на которых оно было равно 21 версте 450 саж., что, по его подсчетам, составило 10 950 саженей, т. е. число, намного меньше указанного в надписи. Н. А. Оленин предположил, что мерили не обычной для XIX в. «казенной саженью» (трехаршинной), а меньшей — маховой, состоящей из трех локтей. Г. И. Спасский усомнился в чтении Н. А. Оленина на основании особенностей начертаний знаков тысяч. Подобно П. С. Палласу, первую букву-цифру он прочел как Л—30, что должно было в данном случае означать 30 000, хотя знак «тысяч», по его мнению, отсутствует, а общее количество саженей он читал как 30 000 и 4000 (34 000). Такое большое расстояние между городами, не соответствующее действительности, вызвало сомнения ученого в подлинности надписи¹⁷¹. Г. И. Спасский свое прочтение основывал на том, что черта, присоединенная к верхушке і, не может быть знаком «тысяч», так как знак «тысяч» всегда изображался с двумя перечеркиваниями. Занимаясь рукописями XVI—XVII вв., Г. И. Спасский не был близко знаком с источниками древнейшего времени. В действительности, в рукописях и надписях XI в. знак «тысяч» изображается прямой или выгнутой линией без черточек, присоединенной к нижней или верхней части буквы-цифры. Тысячный знак с перечеркиванием стал применяться только с XV в., позднее его сменил знак с двумя перечеркиваниями¹⁷². Следовательно, заблуждение Г. И. Спасского объясняется уровнем палеографических знаний того времени, а не особенностями самой надписи.

Но и 14 000 саженей не соответствуют действительному расстоянию между Керчью и Тмутараканью, приведенному в работе А. А. Спицына

164

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 101.

165

Спасский Г.
Исследование Тмутараканского камня. ., с. 73.

166

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 101.

167

Фасмер М.
Этимологический словарь русского языка, т. II,
с. 225, 226.

168

Трубачев О. Н.
Славянская этимология. —
В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2. М. 1962.

169

Абаев В. И.
Из истории слов. — Вестник языкознания, 1959, № 1, с. 99.

170

Кудрявцев И., Тиганова Л.,
Тихомиров Н.
Поддельные сомнения, с. 298.
См. также: Выголексинский сборник. М., 1977.

171

Спасский Г.
Исследование Тмутараканского камня. . с. 72.

172

Симонов Р. А.
Берестяная грамота № 342
разъясляет темное место у Кирилла Новгородца. —
СА, 1973, № 2, с. 85.

(в 21 версту 450 саженей, что должно составить 10 950 казенных саженей). А. А. Спицын, сомневаясь в правильности указания расстояния на камне, допускал существование в XI в. другой сажени, «маховой» — 164 см, основываясь на этнографических данных. «Таким образом, расстояние 14 000 моих маховых сажен как раз является весьма точным действительным расстоянием между Таманью и Керчью»¹⁷³. При этом он предполагал, что и фальсификатор мог додуматься мерить не обычными для его времени казенными саженьями, а маховыми. Но только исследования XX в. позволили достоверно восстановить систему мер, существовавшую в древней Руси для измерения расстояния. Оказалось, что существовало несколько видов саженей, причем каждая сажень делилась не на три, а на четыре локтя. В двукратности состояло отличие русской народной метрологии от древнегреческой, римской или византийской. И только с XVI в., со времени введения на Руси восточной меры — аршина, на Руси установилось деление сажени на три части, на три аршина¹⁷⁴.

По сведениям древнерусских источников установлено существование «простой сажени» в 151—158 см и «мерной» — в 176 см¹⁷⁵. Измерение расстояния между Корчевым и Тмутараканью могло проводиться или простой саженью, что дало бы 21 379 м, или в «мерных», что составило бы 24 696 м, против действительного расстояния в 236 363 м. В последнем случае ошибка будет составлять в преувеличении действительного расстояния всего на 5%, что дает большую точность, если учесть трудность трассирования прямой¹⁷⁶.

Несоответствие расстояния, указанного на камне, данным конца XVIII в., измерение древнейшей 4-локотной саженью, а не бытовавшей в это время «казенной», является одним из важных доказательств подлинности надписи. Как справедливо писал А. А. Спицын: «... фальсификатор скорее взял был современную сажень — и тогда сразу был бы изобличен»¹⁷⁷. Сомнения ученых XIX и начала XX в. были вызваны неопределенностью особенностей древнерусской метрологии в то время. Но у А. Л. Монгайт несоответствие указанного на камне расстояния современным сведениям также вызывало сомнения, но причина его та, что, по его мнению, существование «простой» сажени никакими другими источниками, кроме надписи на Тмутараканском камне, не подтверждается¹⁷⁸. А. Г. Кузьмин уже отмечал, что это мнение А. Л. Монгайт ошибочно, так как Б. А. Рыбаков размеры «простой» сажени получил не из сведений Тмутараканской надписи, а на основании других древнерусских источников: «Хождение Пимена в Царьград», сказания о св. Софии Новгородской¹⁷⁹. Следует отметить, что по новым исследованиям создание «Сказания» и, следовательно, имеющиеся там измерения Софии следует отнести к середине XI в.¹⁸⁰

Сохранившиеся разметочные кольца, обнаруженные при раскопках фундамента тмутараканской церкви Мстислава Владимировича (1023 г.), позволяют утверждать также, что мерная сажень употреблялась для разметки фундамента этой церкви¹⁸¹.

Следовательно, сомнения, связанные с расстоянием, указанным на камне, неосновательны.

А. А. Спицын удивляло и измерение такого большого расстояния — в 21 версту — саженьями. «Это то же, что мерить дом дюймами. Расстояния меряются стадиями, милями, поприщами, а не саженьями»¹⁸².

Известный путешественник игумен Даниил, «ходивший» в самом начале XII в. в Иерусалим, оставил подробное и топографически точное описание своего «хождения», которое является одним из основных источников для изучения древнерусских мер длины¹⁸³. Расстояние между

173

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 21.

174

Рыбаков Б. А.
Русские системы мер блины
XI—XIV ве. — СЭ, 1949,
№ 1, с. 76; см же. Архитек-
турная математика древне-
русских зодчих. — СА, 1957,
№ 1.

175

Рыбаков Б. А.
Русские системы мер.
с. 78.

176

Рыбаков Б. А.
Русские датированные
надписи. с. 17.

177

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 21.

178

Монгайт А. Л.
Надпись на камне, с. 99.

179

Кузьмин А. Г.
Существует ли проблема
Тмутараканского камня?
с. 280.

180

Брюсова В. Г.
О датировке древнейших фре-
сок Софийского собора в Нов-
городе (XI—начала XII в.) —
СА, 1968, № 1.

181

Рыбаков Б. А.
Мерило новгородского зод-
чего XIII в. — В кн.:
Памятники культуры.
Письменность. Искусство.
Археология. Ежегодник
1974 г. М., 1974, с. 209.

182

Спицын А. А.
Тмутараканский камень,
с. 18.

183

Житие и хождение Даниила
«Русского земли игумена»
1106—1107 гг., под ред.
М. А. Веневитинова. СПб.,
1885.

островами, населенными пунктами он указывал в верстах, поприщах, «перестрелах». В саженьях Даниил измеряет менее значительные расстояния: глубину реки, которую сам измерил («вглубе же есть 4 сажень среди самое купели, яко же измерих а искусил сам собою»), или толщину так называемого «Мамврийского» дуба: «В толще же есть дву сажень, мою рукою измерил около его»¹⁸⁴.

Известно, что Даниил, указывая большие расстояния, часто ошибался, потому что определял их «на глазок», без точных измерений¹⁸⁵. Возможно, измерение расстояния в Тмутараканской надписи саженьями объясняется именно точностью, самим способом измерения пролива по льду. Простая сажень в 151—158 см равнялась расстоянию между размахом вытянутых рук, или двойному шагу. Вероятно, это и позволило использовать ее для измерения больших расстояний¹⁸⁶.

Само написание «САЖЕНЬ» с Ѧ в XIX в. возражений не вызывало. А. А. Спицын признавал его «вполне оправдываемым действительной этимологией» этого слова, отмечая при этом, что в кружке «Мусина-Пушкина» данное словопроизводство до появления камня не было известно. При этом он задавал вопрос: «... неужели же никому не приходила в голову эта этимология до 1793 г.?»¹⁸⁷ Эта этимология вызвала подозрение А. Л. Монгайт, являясь, по его мнению, «плодом» «учености» «дилетантов», так как такое написание (с Ѧ в корне) не встречается ни в одном древнерусском памятнике¹⁸⁸. Между тем этимология слова «сажень», аналогичная этимологии Мусина-Пушкина (от «САГЪ» — шаг), дается в этимологическом словаре А. Х. Востокова¹⁸⁹. Эта этимология подтверждается сохранением носового звука в корне этого слова в ряде современных славянских языков¹⁹⁰. Сейчас стало известно и написание «САЖЕНЬ» в русском списке Апостола (Христианский апостол) около середины XII в.¹⁹¹

Следовательно, подозрения скептиков чисто филологического характера объясняются не отклонениями от норм русского языка XI в., а недостаточностью знаний по истории русского языка и со временем находят подтверждение в исторических закономерностях развития древнерусского языка и аналогиях с другими древними памятниками. Подобное явление уже отмечалось выше и для палеографических особенностей надписи, где почти все «подозрительные» начертания объясняются особенностями эпиграфических памятников или заголовков рукописей или находят объяснение в южнославянских рукописных памятниках. Фальсификация надписи в конце XIX в. в полном соответствии с закономерностями развития языка, ставшими известными позднее, и палеографическими особенностями, находящими аналогии в эпиграфических памятниках, открытие которых также произошло значительно позднее, невозможна.

* * *

Для того чтобы понять объективные причины, по которым надпись на камне об измерении пролива показала в начале XIX в. подозрительной, необходимо напомнить некоторые моменты, связанные со становлением палеографии как науки. Хотя собирание и накопление древних памятников письменности начинается с 60-х годов XVIII в., только со второго десятилетия XIX в. начали публиковаться некоторые обобщения и наблюдения над палеографией и историей русского языка, которые послужили фундаментом для будущей научной палеографии и лингвистики. Но создание первых систематических попыток изложения накопленного

¹⁸⁴ Там же, с. 45 и др.

¹⁸⁵ Каменцева Е. Н., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975, с. 25, 26.

¹⁸⁶ Рыбаков Б. А. Русские системы мер. с. 78.

¹⁸⁷ Спицын А. А. Тмутараканский камень, с. 25, 26.

¹⁸⁸ Монгайт А. Л. Надпись на камне, с. 101, 102.

¹⁸⁹ Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка, т. I, II. СПб., 1858 и 1861.

¹⁹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 545.

¹⁹¹ Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихожиров Н. Поддельные сомнения, с. 298 (САЖЕНЬ ДВАДЕСАТЬ,

САЖЕНЬ Ё); см.: Калужнецкий Э. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenicae. Ad fidem codicis Constantinopolitani saeculo XII scripti XII edidi Aemilianus Kaluzniacki. Simpatibus Caes. Literaturum. Academiae. Vindobonae, MDCCCXCVI, p. XII, с. 65.

материала, первых курсов по палеографии относится уже к середине XIX в.¹⁹²

Если с изучением палеографии дело обстояло таким образом, то в конце XVIII—начале XIX в. понятия «эпиграфика» вообще не существовало, так как сам Тмутараканский камень и был первой эпиграфической находкой. Только лишь с накоплением эпиграфического материала, в середине XIX в. И. П. Сахаров осознал, что не может быть единой палеографии, выделил надписи на памятниках «разных художеств» в особый отдел палеографии и задумал собирание древних надписей¹⁹³. Окончательное отделение русской эпиграфики от палеографии, разработка ее методов и особенностей — это заслуга и задачи исследователей нашего времени.

Появлению подозрений в подделке немало способствовало то обстоятельство, что на протяжении всего XIX в. и еще в начале XX в. в исторической науке господствовали представления о низком уровне культуры древней Руси и поголовной неграмотности населения. Эти представления отразились в высказывании Г. И. Спасского, одного из самых серьезных противников камня в 40-х годах XIX в.: «Почти все слова в надписи выражены с такой точностью и согласием с современными памятниками, каких вовсе нельзя предполагать в те времена нашей грамотности, следовавшей более собственному произволу, нежели каким-либо правилам. .»¹⁹⁴ Даже в начале нашего века А. А. Спицын казался подозрительным торжественный тон надписи, обличающий руку опытного книжника, «каков едва ли был князь Глеб»¹⁹⁵. Неудивительно, что на фоне этих представлений при полном отсутствии других эпиграфических памятников находка камня с записью XI в. об измерении расстояния между двумя древнерусскими городами, четкой и каллиграфичной, показалась подозрительной.

Немногочисленность сведений о Тмутаракани послужила для многих скептиков отправной точкой в сомнениях по поводу подлинности камня, а неразработанность палеографии рукописей и памятников эпиграфики явилась основой для мнений о несоответствии начертаний букв начертаниям XI в.

Точно так же незнание некоторых моментов истории русского языка вызывало удивление скептиков по поводу филологических особенностей надписи.

С тех пор прошло более ста лет и неизмеримо расширились, особенно в последние десятилетия, наши представления об истории и культуре древней Руси, древнерусской метрологии, истории русского языка и палеографии. Найдено и исследовано немало древних рукописей и что особенно важно — огромное количество надписей на предметах, берестяных грамот и надписей-граффити. Теперь надпись на Тмутараканском камне не представляет собой ничего исключительного ни по содержанию, ни по древности, ни по палеографическим или филологическим особенностям.

Таким образом, если у ученых XIX и начала XX в. были объективные основания сомневаться в подлинности надписи, происходящие от общего уровня развития исторической науки, повторение старых сомнений в подлинности надписи на Тмутараканском камне в наше время можно объяснить лишь упорным нежеланием считаться с действительными фактами.

192

Жуковская Л. П.
Развитие славяно-русской палеографии, с. 20—22, 24, 31—56.

193

Сотникова М. П.
Русская эпиграфика в советское время. Вспомогательные исторические дисциплины, т. III. Л., 1970, с. 82, 83.

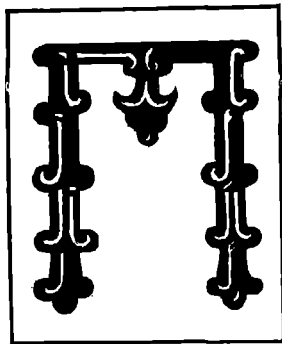
194

Спицын А. А.
Тмутараканский камень, с. 24.

195

Там же, с. 18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

одробный пересмотр истории открытия Тмутараканского камня с надписью и научного спора о его подлинности, длящегося почти две сотни лет, дает право сделать определенные выводы.

Так случилось, что первая эпиграфическая находка до сих пор является одной из самых важных по своему историческому значению. Открытие надписи произошло на заре развития русской палеографии как науки, когда только пробуждался интерес к древним рукописным памятникам, к историческому прошлому страны. В начале XIX в. собирание древностей, в том числе и рукописей, становится модой, предметом

интереса и занятий многих знатных сановников. Не последнее место среди них принадлежит и первоиздателю Тмутараканского камня Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, президенту Академии художеств и обер-прокурору Синода. Его положение давало ему возможность приобретать рукописи как у частных лиц, так и в монастырских собраниях. Ему принадлежит честь приобретения таких памятников, как «Слово о полку Игореве», древнейшего списка Лаврентьевской летописи, Поучения Владимира Мономаха и многих других. «Собирательская и издательская деятельность Мусина-Пушкина, его собственные работы по истории древней Руси, а главное, его выдающаяся организаторская деятельность пробудили значительный интерес к изучению древностей, способствовали появлению важных трудов группировавшихся вокруг него ученых»¹.

В то же время интерес к древностям, большой спрос на них, способствовал и появлению подделок. Появление среди подлинных памятников подделок заставило критически относиться к ним, вызвали к жизни так называемую скептическую школу М. Т. Каченовского в русской историографии, представители которой стали отрицать даже подлинные памятники, написанные до XIII в.²

В это время при неразработанности палеографических знаний, отсутствии других предметов с надписями и господстве в исторической науке «скептической школы» происходит открытие замечательного памятника эпиграфики — четкой и каллиграфичной надписи, датированной 1068 г. Надпись сообщает об измерении Керченского пролива по льду, между двумя городами, причем о местонахождении одного из них — Тмутаракани, высказываются самые противоречивые взгляды. Не удивительно, что находка столь древней надписи вызвала подозрения у ученых «скептической школы», отрицавших все древнее, ранее XIII в., письменные памятники. Очевидно, к этим чисто научным сомнениям присоединились придворные интриги, и А. И. Мусин-Пушкин был незаслуженно обвинен в подлоге. С тех пор однажды высказанные подозрения неоднократно

¹ Жуковская Л. П.
Развитие славяно-русской палеографии, с. 22.

² Там же, с. 31.

служили предметом научной дискуссии. Каждый раз обращение к другим памятникам древнерусской письменности доказывало необоснованность подозрений в подделке. Но общий уровень развития исторической науки, в том числе и палеографии, только к концу XIX в. сделавшей значительные успехи, в то время как эпиграфика делала лишь первые шаги, способствовали сохранению и возрождению подозрений, высказанных еще современниками Мусина-Пушкина.

В последние десятилетия открыто большое количество надписей на различных предметах, вырабатывается методика исследований памятников эпиграфики. Одно из неперенных условий этой методики — непосредственное знакомство с исследуемым памятником. Большая часть сомнений в подлинности надписи на Тмутараканском камне в наше время происходит от плохого знания самого исследуемого предмета, изучения надписи и камня по ретушированным фотографиям, меньшая — от изолированного, в отрыве от других памятников эпиграфики, изучения надписи. Очевидно, не последнюю роль сыграла и дискуссия по поводу подлинности «Слова о полку Игореве», способствовавшая возрождению старых сомнений.

Сегодня нет никаких фактических данных сомневаться в подлинности Тмутараканской надписи.

Хорошо известно, что любая подделка в лучшем случае отражает уровень знаний своего времени. «Длительная история изучения Тмутараканского камня доказывает, что каждое новое поколение исследователей раскрывало и объясняло такую заложенную в нем информацию, которой не замечали их предшественники»³. Тмутараканская надпись выдержала испытание временем. Но, очевидно, будущим исследователям придется не один раз обращаться к этой надписи и выявить новые ее особенности, не замеченные современными исследователями.

³ Сапунов Б. В.
О Тмутараканском камне
1068 г., с. 469.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И.* Из истории слов. Вестник языкознания, 1959, № 1.
- Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1930.
- Авдусин Д. А.,
Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись. — Вестник АН СССР, 1950, IV, с. 74 и сл.
- Арцизовский А. В.,
Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г. М., 1953.
- Арцизовский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954; *он же.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 года. М., 1963.
- Арцизовский А. В.
Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года. М., 1958; *они же.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 года. М., 1958; *они же.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 года. М., 1963.
- Арцыбашев Н.* О Тмутаракани. — Труды Общества истории и древностей российских (М.), 1828, ч. IV, кн. I, с. 80—101.
- Борковский В. И.,
Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Борковский В. И.* См.: *Арцизовский А. В. и Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте.
- Брюсова В. Г.* О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI—начала XII в.). — СА, 1968, № 1.
- Ваксель Н. С. Л.* Изображение разных Памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Сняты с подлинников в 1797-м и 1798-м годах, с приложением Географической карты тех мест с древними наименованиями. СПб. 1801.
- Веселовский Н. И.* К истории открытия Тмутараканского камня. — Вестник археологии и истории, издаваемый Петроградским Археологическим институтом (Пг., 1917), вып. XXII. Отдельный оттиск. Вопросы истории, 1964, № 9. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве».
- Востоков А. Х.* Словарь церковно-славянского языка, т. I—II. СПб. 1858 и 1861 гг.
- Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966.
- Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. XI—XVII вв. Киев, 1976.
- Дмитриев Л.* «Новая» работа о «Слове о полку Игореве». — Русская литература (Л.), 1966, № 2, с. 238—246.
- Добродомов И. Г.,
Кучкин В. А.* Рецензия на публикацию: Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). — Вопросы истории, 1972, № 10, с. 144.
- Жуковская Л. П.* Развитие славяно-русской палеогеографии. М. 1963.
- Заимов И.* Битолски надпис на Иван Владислав самодържец Български. София, 1970.
- Захаров В. А.* К вопросу о подлинности Тмутараканского камня. — История СССР, 1965, № 5.
- Зимин А. А.* Приписка к Псковскому Апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве». — Русская литература (Л.), 1966, № 2, с. 71—73.
-

- Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1931.
Изборник 1076 г. Издание подготовили Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф. М., 1965.
- Каменцева Е. И.,
Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975.
- Каринский Н. М.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925.
- Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- Кеппен П. И.* Нечто о Тмутараканском камне. — Труды и записки Общества истории и древностей Российских, учр. при Московском университете (М.), 1830, ч. V, с. 300, 301.
- Кирпичников О. Н.* Древнейший русский подписной меч. — СА, 1965, № 3.
- Кодов Хр.* См.: *Мирчев К., Кодов Хр.* Едински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
- Кудрявцев И.,
Тиганова Л.,
Тихомиров Н.* Поддельные сомнения. — Молодая гвардия, 1970, № 1, с. 294—301.
- Кузнецов В. А.,
Медынцева А. А.* Славяно-русская надпись XI в. из Преградного. — КСИА, 1975, вып. 144.
- Кузнецов П. С.* См.: *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка.
- Кузьмин А. Г.* Существует ли проблема Тмутараканского камня? — СА, 1969, № 3.
- Кучкин В. А.* См.: *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* Рецензия на публикацию.
- Лизачев Д.* В поисках единомышленников. — Вопросы литературы, 1966, № 5, с. 158—166.
- Лопатина Л. Е.* Тмутараканскому камню 900 лет. — Русская речь, 1968, № 3, с. 97—99.
- Магродин В. В.* По поводу одной новой теории о местонахождении Тмутаракани. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 221—226.
- Медынцева А. А.* Новгородские надписи-граффити. — В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974.
- Мирчев К.,
Кодов Хр.* Едински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
- Миятев Кр.* Симеоновата църква в Преслав и нейният епиграфичен материал. — Български преглед I, 1929/1930, кн. I.
- Монгайт А. Л.* Надпись на камне. — Наука и жизнь, 1963, № 5, 7, 8.
- Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М., 1969.
- Морошкин М. Я.* Исследование академика Буткова о Тмуторокани и Тмутороканском камне. — Известия Археологического общества (СПб.), 1863, т. II, вып. 5—6, стлб. 279—296.
- Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.
- Оленин А.* Письмо к графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году. Во граде С.-Петра, 1809.
- Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XIV вв. М.—Л., 1953.
- Рыбаков Б. А.* Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи). — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международного съезда славистов. М., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. — САИ, 1964, Е1—44.
- Рыбаков Б. А.* Русские системы мер длины XI—XIV вв. — СЭ, 1946, № 1.
- Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих. — СА, 1957, № 1.
- Рыбаков Б. А.* Мерило новгородского зодчего XIII в. — В кн.: Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974 г., М., 1975.
- Самсонов Н. Г.* Древнерусский язык. М., 1973.

- Сапунов Б. В.* Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня. — Труды ГЭ (Л.), 1970, XI, вып. 2.
- Сапунов Б. В.* О Тмутороканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология. Ежегодник 1975, М., 1976, с. 457—471.
- Свиньин П.* Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии. — Отечественные записки (СПб.), 1826, ч. XXV, с. 446—452.
- Симонов Р. А.* Берестяная грамота № 342 разъясняет темное место у Кирика Новгородца. — СА, 1973, № 2.
- Сотникова М. П.* Русская эпиграфика в советское время. Вспомогательные исторические дисциплины, т. III. Л., 1970.
- Спасский Г.* Исследование Тмутороканского камня с русской надписью. — Отечественные записки, 1844, т. XXXVI, раздел II, с. 63—75.
- Спасский Г.* Защитникам Тмутороканского камня. — Отечественные записки, 1847, т. IV, отдел VIII, с. 134—144.
- Спицын А. А.* Тмутараканский камень. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества (Пг.), т. XI, 1915. Отдельный оттиск.
- Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885, с. 131—134.
- Станчев Ст.,
Иванова В.,
Балан П. — Боев М.* Надпись на чьргубля Мостич. София, 1955.
- Тиганова Л.* См.: Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихонов Н. Поддельные сомнения.
- Тихомиров М. Н.* См.: Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись.
- Тихомиров Н.* См.: Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров Н. Поддельные сомнения.
- Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты (X—XI вв.) Великого княжества Киевского. СПб., 1882.
- Трубачев О. Н.* Славянская этимология. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2. Л., 1962.
- Труды XV АС в Новгороде, 1911 г. (М.), 1914, т. I., с. 118. Протоколы заседания 27 июля.
- Трусович Я. И.* Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей X—XVIII веков русско- и юго-славянских. — Иаборник 1905 года, вып. I. СПб., 1905.
- Устюгов Н. В.* См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967; т. IV. М., 1973.
- Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956.
- Шляпкин И. А.* Палеография. (Дополнение). Лекции, читанные в 1905/6 учебном году, стенографически записанные. СПб., 1905—1906, с. 5,6.
- Щепкин В. Н.
Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
Новгородские надписи-graffiti. Древности. — Труды Московского Археологического общества (М.), 1902, т. XIX, вып. 3.
- Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970.
- Мазон А.* Le slovo d'Igor. Paris, 1940.
- Мазон А.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1970.
- Мазон А.,
Ларан М.* Quelques donnés historiques sur Slovo d'Igor et Tmutorokan' par M. I. Uspenski (1866—1942). — In: Traduction Francaise et texte russe avec piéces complementaires et appendice par Andre Mazon et Michel Laran. Paris, 1965.
- Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südle. Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd II. Leipzig, 1801.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	Археологический съезд
ГЭ	Государственный Эрмитаж
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
НГБ (1953—1954)	Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958
НГБ (1955)	Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 года. М., 1963
НГБ (1958—1961)	Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 года. М., 1963
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СЭ	Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ИСТОРИОГРАФИЯ 6

ИССЛЕДОВАНИЕ КАМНЯ И НАДПИСИ 14

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 48

БИБЛИОГРАФИЯ 50

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 53

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 54

АЛЬБИНА АЛЕКСАНДРОВНА
МЕДЫНЦЕВА

ТМУТАРАҚАНСКИЙ
КАМЕНЬ

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии*

Редактор издательства
Г. Н. Улунян

Художник *Н. А. Седельников*

Художественный редактор
Ю. П. Трапачев

Художественно-технический редактор
Ю. В. Рымина

Корректоры *Т. И. Борисова, А. М. Журавлева*

ИБ № 5504

Сдано в набор 05.04.78. Подписано к печати
27.03.79. Т-01257. Формат 84×108^{1/16}.
Бумага люксоарт. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 5,2.
Тираж 4900 экз. Тип. зак. 441. Цена 60 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, В-34, Ленинград, 9-я линия, д. 12